

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

Известный мореплаватель Христофор Колумб совершил величайшее географическое открытие. Хотя он и направлялся в сказочную Индию, его флотилия открыла новый континент, названный впоследствии Америкой. Помог ему в этом трудном и опасном путешествии волшебный компас, показывающий курс на то, что человек на самом деле хочет найти...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Волшебный компас Колумба

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Волшебный компас Колумба

«ЭКСМО»

2015

Александрова Н. Н.

Волшебный компас Колумба / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2015 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-699-77799-0

У мореплавателя Христофора Колумба была одна-единственная мечта — найти прямой и безопасный путь в страну грез и богатства Индию. По расчетам астрономов, если двигаться именно в западном направлении, а не в восточном, можно было достичь берегов Индии. Колумб решился на рискованную авантюру, в этом ему помог волшебный компас, способный любого привести к достижению своих целей... Антонина с самого рождения чувствовала себя полной неудачницей, что постоянно подчеркивал и ее громогласный дядюшка. Казалось бы, ей повезло всего раз в жизни — когда ее пригласили пожить в большом загородном доме семьи Самохиных. Нужно было всего лишь присматривать за псом Риком. Но уже через пару дней проживания в доме Тоня обнаружила в прихожей труп неизвестного мужчины, Рик вкололи дозу парализующего яда, а на чердаке девушка нашла старинную шкатулку, которую не смогла открыть. Судя по всему, в шкатулке находится что-то ценное, и именно из-за нее в дом постоянно пробираются разные подозрительные личности... Другое название книги: «Шкатулка с секретом»

ISBN 978-5-699-77799-0

© Александрова Н. Н., 2015

© Эксмо, 2015

Наталья Александрова

Волшебный компас Колумба

© Александрова Н. Н., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Темно-серый внедорожник свернул с шоссе на узкую бетонную дорогу, прорезавшую чуть тронутую ранним золотом березовую рощу. За этой рощей начинались поля, впереди змеилась серебристая лента реки. За рулем внедорожника сидел худощавый голубоглазый мужчина с длинными седыми волосами, в черном, отлично сшитом на заказ итальянском костюме и такой же черной водолазке.

За рекой показался большой загородный дом, обнесенный высокой кирпичной стеной. Внедорожник по мосту перелетел через реку, подкатил к воротам, остановился. Камера над воротами повернулась к нему, загудел мотор, и ворота раздвинулись.

К автомобилю подошел рослый парень в камуфляже, взглянул на водителя и кивнул:

– Проезжай, тебя ждут.

Внедорожник проехал по усыпанной гравием дорожке, обогнул огромную клумбу, на которой полыхали поздние розы, и остановился перед высоким каменным крыльцом.

На крыльце стояла женщина лет тридцати в строгом брючном костюме, подчеркивающим сухую спортивную фигуру.

Водитель внедорожника поднялся по ступеням, остановился перед женщиной и привычным жестом поднял руки. Ни слова не говоря, она быстро и умело обыскала его и отступила в сторону, пропуская в дом.

Седой мужчина в который уже раз подумал о бессмысленности такого обыска: если человек умеет убивать – он может сделать это и голыми руками или любыми подручными средствами, а тому, кто не умеет – не поможет никакое оружие.

Войдя в дом, седовласый прошел по знакомому коридору, подошел к двери, возле которой стоял пожилой человек с лицом, изрезанным глубокими морщинами.

Здесь снова повторилась процедура обыска: Степаныч, как все знакомые звали пожилого охранника, не доверял никому, кроме себя, и руководствовался старым правилом: «доверяй, но проверяй».

Тщательно проверив посетителя, он кивнул и открыл еще одну дверь.

За этой дверью находилась большая комната, отделанная и обставленная в готическом стиле. На стенах – темные деревянные панели, антикварные гравюры, старинное оружие, вокруг круглого стола – десяток стульев с высокими резными спинками черного дерева, на самом столе – несколько серебряных канделябров с горящими свечами, распространяющими едва уловимый запах восточных благовоний. В большом камине, отделанном черным камнем, пылал огонь. Возле камина, в двух глубоких креслах, обитых тисненой кожей, сидели два удивительно похожих друг на друга человека. Не просто похожих – похожих как две капли воды, так что ни у кого не могло быть сомнений, что это – братья-близнецы.

Возраст их было довольно трудно определить – возможно, им было пятьдесят лет, а может быть, и около семидесяти. Оба совершенно лысые, с желтоватой пергаментной кожей, словно натянутой на череп, резкими чертами лица, делавшими их похожими на двух хищных птиц или, скорее, на двух старых стервятников. Это сходство еще более усиливали внимательные темные глаза за круглыми стеклами очков. Одеты они были по-домашнему – в теплые стеганные

куртки тяжелого плотного шелка. У одного куртка была бордового цвета, у другого – темно-коричневая. Кажется, это было единственное, что их отличало.

– Здравствуйте, господа! – проговорил вошедший почтительно, но с достоинством.

– Здравствуйте, – ответил тот, что в бордовой куртке. – Чем вы нас порадуете?

– Я нашел ту вещь, о которой вы говорили, – ответил седой.

– Вот как? – подал голос тот, что в коричневом. – И где же она?

– У некого Вячеслава Самохина.

– Самохина? – переспросил коричневый, переглянувшись со своим двойником. – Кто это такой?

– Бизнесмен, довольно крупный, – ответил седой. – Работает в страховом бизнесе в банковской сфере.

– Вы купили у него эту вещь?

– К сожалению, он отказался ее продать.

– Не люблю фразы, которые начинаются со слов «к сожалению». Говорите просто – я не справился с заданием. Ваша репутация немного преувеличена. Нам придется поискать другого специалиста.

– Моя репутация безупречна, – сухо возразил седой. – И я провел большую работу. Проследил историю вещи, нашел ее нынешнего владельца...

– Большая работа – это только слова. Вы должны были принести нам эту вещь – вы этого не сделали. Вы не справились!

– Подожди, Вилен! – остановил его брат нетерпеливым жестом. – Дай человеку договорить, дай объясниться.

– Ты слишком снисходителен, Марксэн! – поморщился второй. – Не забывай, что я твой старший брат!

– Ты старше меня всего на десять минут!

– Все равно – я старше! Ну ладно, объяснитесь, – повернулся он к седому. – В чем же дело? Почему Самохин не продал вам эту вещь? Вы предложили ему слишком низкую цену?

– О цене разговор не шел. Он принципиально отказался говорить о продаже. Сказал, что эта вещь досталась ему от отца, и она дорога ему как память.

– Вы не хуже меня знаете, что все продается. Вопрос только в цене. Разговоры о памяти, семейных ценностях – это всего лишь старый фокус, чтобы взвинтить цену. Вы должны были договориться с ним!

– Говорю же вам – он отказался говорить о цене! Он меня буквально выпроводил! Сказал мне, что деньги его вообще не интересуют, ему вполне хватает того, что он зарабатывает!

– Его не интересуют деньги? – Человек в коричневой куртке снова переглянулся с братом. – Ты когда-нибудь слышал такое, Марксэн?

Брат ничего ему не ответил. Он думал. Через минуту лицо его посветлело, и он проговорил довольным голосом:

– Ему хватает денег? Так сделаем так, чтобы их ему не хватало! Говорите, он работает в страховом и банковском бизнесе?

Человек в бордовой куртке потянулся к телефону, снял трубку, набрал номер. Услышав приветливый голос секретарши, сухо проговорил:

– Соедините меня с Антоном Артуровичем! Кто спрашивает? Узнавать надо по голосу!

Затем его голос изменился, стал более приветливым и жизнерадостным:

– Здравствуй, Антон! Да, это я. Мы тут сидим с Виленом и тебя вспоминаем... Почему вспоминаем? Потому что думаем – скоро платежи в бюджет, тебе деньги понадобятся... Да-да, не волнуйся, все на прежних условиях. Кстати, ты ведь наверняка знаешь такого Вячеслава Самохина? Знаешь? Ну, я так и думал... Не мог бы ты – не в службу, а в дружбу – немножко

усложнить ему жизнь? А то, понимаешь, он стал о себе слишком много воображать! У тебя ведь сохранились прежние связи в прокуратуре? Ну, я так и думал! Очень обяжешь нас с Виленом!

Желтолицый человек положил трубку и удовлетворенно проговорил:

– Ну вот, теперь этот Самохин не сможет сказать, что его не интересуют деньги! И вы сможете закончить то дело, которое мы вам поручили...

– Все равно ваша репутация завышена! – добавил старший брат, поморщившись. – Нам приходится вмешиваться, подключать свои связи, а это – дорогой ресурс!

– Какие будут дальнейшие распоряжения? – осведомился седой, не отвечая на эти нападки.

– Распоряжение только одно, прежнее: вы должны принести нам эту вещь. Как вы это сделаете – нас не интересует. В деньгах мы вас не ограничиваем, так что постарайтесь довести дело до конца!

Седой человек развернулся и покинул кабинет братьев.

Он не любил работать с ними – братья никого не уважали, никого не ценили, даже такого суперпрофессионала, как он. Особенно старший, Вилен. Однако платили они хорошо, так что приходилось держать свои амбиции при себе.

Спустившись с крыльца, он сел во внедорожник и отправился в обратный путь. Однако прежде чем выехать на шоссе, съехал на обочину, заглушил мотор и открыл бардачок.

После этого он проделал очень странные манипуляции.

Первым делом снял седой парик, надел вместо него другой – темный, с короткой стрижкой. Затем заменил голубые контактные линзы на другие – светло-коричневые. Затем что-то подложил в нос, что-то – за щеки, под конец нанес несколько штрихов гримерным карандашом и удовлетворенно взглянул в зеркало.

На него смотрел другой, совершенно незнакомый человек – коротко стриженный брюнет с желто-коричневыми тигриными глазами и хищно приподнятыми крыльями носа. Да, это был незнакомый человек, совсем не тот, который только что стоял в кабинете братьев-близнецов и выслушивал нотации Вилены.

Впрочем, этот человек давно привык к переменам в своей внешности и уже сам плохо помнил, как он выглядит на самом деле. Да и что такое – на самом деле?

Спала она долго. Было так приятно вытянуться на широкой кровати на чистых простынях, едва уловимо пахнущих лавандой. Заснула она быстро и спала крепко, без сновидений. Кстати, снов Антонина вообще никогда не видела, даже в детстве. Она открыла глаза и лежала, глядя в потолок, пока не сообразила, как она оказалась в этом доме. Ага, все правильно, она тут на месте. Во всяком случае, на две недели можно забыть обо всем и обрести покой, который так ей сейчас нужен.

Антонина села и босыми ногами почувствовала теплые доски пола. В доме было тихо, только потрескивало дерево. За кружевной занавеской мелькнула тень, на подоконник села синичка и затинькала, как будто сейчас не осень, а ранняя весна. Как тут хорошо! Однако что-то она разоспалась.

Антонина встала и побрела в ванную прямо в пижаме. Никого же нет, хоть голой ходи! Привычно уже поразившись великолепию ванной комнаты, она долго стояла под горячим душем, потом растерлась жестким махровым полотенцем, набросила хозяйский шелковый халат и отправилась на кухню.

Там она достала из холодильника замороженные круассаны, положила их в духовку, засыпала кофе в кофеварку. Через минуту по кухне поплыли божественные запахи кофе и свежей выпечки. Антонина не спеша сервировала завтрак для себя одной на большом столе, села перед окном, за которым пламенели кисти рябины, намазала круассан маслом и джемом, пригубила кофе.

Жизнь была если не прекрасна, то вполне удовлетворительна. Хотя бы на какое-то время можно было забыть безденежье, поиски жилья и работы, пожить здесь на всем готовом, в просторном доме, на свежем воздухе, в тишине...

В тишине...

Антонина осознала, что с самого утра не слышит Рика.

Не сказать, что он очень доставал ее своим лаем, но все же время от времени с улицы доносился его строгий басовитый голос. Все же Рик – охранный собака, должен проявлять себя. А сейчас – ни звука.

И вообще, ей стало стыдно, что она наслаждается кофе с круассанами, а собаку еще не покормила... Он же всю ночь на улице, проголодался небось!

Не удержавшись, она откусила еще один кусочек выпечки, сделала глоток кофе и поднялась. Взяла со столика связку ключей, направилась к выходу. Ах да, на ней же чужой халат, ну да ладно. Рик ее не выдаст.

В прихожей было темно, и ей показалось, что перед дверью валяется какой-то мешок.

Откуда он здесь взялся?

Антонина протянула руку, щелкнула выключателем...

И вскрикнула от ужаса.

На полу перед закрытой дверью лежал человек.

Первым ее побуждением было броситься наутек, бежать прочь из дома, куда угодно, куда глаза глядят, но этот человек лежал как раз на пути к двери.

Но в следующее мгновение Антонина взяла себя в руки, приглушив приступ паники. У этого может быть вполне реальное и логичное объяснение: возможно, неожиданно вернулся хозяин дома, вошел в комнату, и ему стало плохо...

Но тогда ему нужно помочь!

Преодолев страх, Антонина шагнула вперед, наклонилась над незнакомцем, окликнула его:

– Эй, что с вами? Вы вообще кто?

Тот не отзывался и даже не шелохнулся. Он лежал лицом вниз, бессильно раскинув руки.

Антонина опустилась рядом с ним на колени, осторожно дотронулась до запястья, попробовала найти пульс.

Пульса она не нашла, но это еще ничего не значило – в конце концов, она же не врач... Кроме того, рука была неприятно холодная, но это опять же ничего не значило – на улице сейчас довольно холодно, особенно ночью и ранним утром.

Вспомнив, что видела подобное в каком-то фильме, Антонина потрогала шею – но и там ничего не нащупала, только ощутила тот же неприятный, неживой холод.

Она неловко перевернула человека, чтобы увидеть его лицо – и вот теперь отчетливо поняла две вещи: во-первых, никогда этого человека она не видела, и во-вторых – что он мертв. Только у мертвеца могли быть такие пустые и неподвижные глаза, темные и холодные, как вода в глубоком колодце.

«Господи, ну за что мне это? – подумала Антонина безнадежно. – За что? За какие грехи?»

Только что она радовалась таким простым, незатейливым вещам – спокойному утру, чашке крепкого кофе, свежему круассану – и все, ее хрупкий покой раскололся на мелкие куски!..

Тут она заметила, что на полу возле мертвеца что-то блеснуло, протянула руку и подняла связку ключей.

Точно такую же, как та, которую она взяла со стола, чтобы выйти из дома и покормить Рика.

Чтобы убедиться в этом, Антонина достала свои ключи из кармана, сравнила две связки. С виду они были абсолютно одинаковые.

Наличие ключей подтверждало версию, что перед ней лежит хозяин дома. Но, как бы то ни было, он был мертв, и с этим срочно нужно было что-то делать.

То есть в обычной ситуации нужно было бы вызвать полицию и «Скорую», но Владимир Борисович несколько раз предупреждал Антонину, чтобы в случае каких-то неожиданностей она звонила не в полицию, а по тому телефону, который он ей оставил.

Она вскочила, бросилась на кухню за телефоном, но тут вспомнила, что телефон у нее в кармане, там же, где ключи, и вытащила его.

Руки у нее тряслись от волнения, она выронила злополучный мобильник. Он упал на пол и откатился под лестницу. Да так неудачно, что и не видно совсем.

Нагнувшись, Антонина пыталась нашарить телефон, но пришлось заползти под лестницу. И в этом ракурсе она взглянула на покойника, и ей показалось, что он шевельнулся.

Она резко вскочила и со всего размаху ударилась головой о ступеньку лестницы.

Свет в глазах померк, и Антонина провалилась в беспамятство.

Сквозь черную глухую пелену до нее донесся стон.

Через какое-то время – через минуту? Через час? – этот стон повторился, и внезапно Антонина осознала, что это ее собственный стон: она лежит на полу с затекшими от неудобного положения руками. Она снова застонала, попыталась подняться на локте и приоткрыла глаза.

Где это она лежит?

Что с ней случилось?

Она находилась в каком-то темном и тесном закутке, над ней находилась низкая наклонная крыша.

Мучительным усилием воли она вгляделась в нее и поняла, что это никакая не крыша, а лестница, ведущая на второй этаж, и она лежит на полу под этой лестницей. Но как она здесь оказалась?

Тут память вернулась к ней.

Антонина вспомнила, как завтракала на кухне, как пошла покормить Рика, увидела перед дверью в прихожей мертвого человека, с перепугу выронила телефон... Вот тогда она ударилась головой и потеряла сознание. Непослушной рукой она потрогала голову в месте удара. Вроде бы шишка намечается, но крови нет. Ничего себе звезданулась, могла и убиться насмерть. Кстати, один труп уже есть.

Вспомнив о трупе, она снова впала в панику.

Антонина выбралась из-под лестницы, постаравшись снова об нее не удариться, выпрямилась, прислушиваясь к своим ощущениям.

Голова болела и немного кружилась, но в принципе ничего страшного, она ожидала худшего.

В прихожей было темно.

Странно, Антонина отлично помнила, как включала свет. Хотя после удара головой у нее могли быть и сдвиги в памяти...

Она снова потянулась к выключателю, щелкнула.

В прихожей стало светло, но она стояла, глядя себе под ноги, и не решалась поднять глаза, боялась взглянуть на мертвого человека, как будто оттого, что она на него не смотрит, он перестанет существовать и проблема сама собой рассосется.

Наконец она поняла, что нельзя прятать голову в песок, и подняла взгляд...

И попяtilась от удивления.

Никакого трупа на полу не было.

На полу вообще никого и ничего не было, никаких следов мертвого незнакомца.

В первое мгновение Антонина почувствовала облегчение: проблема действительно сама собой рассосалась. Его нет – значит, его никогда и не было, он ей просто приснился, привиделся, померещился. Можно подобрать еще несколько синонимов, которые ничего не изменят.

Но потом в ее душе вскипела новая волна паники.

Она видела, действительно видела этого человека!

Антонина четко помнила его темные пустые глаза, жесткие, тронутые сединой волосы.

Она не только видела его – даже к нему прикасалась!

Сейчас она явственно ощутила холод его шершавой кожи...

Все это не могло ей померещиться!

Тоня прекрасно видела, что он лежал здесь, вот на этом самом месте...

Антонина опустила на колени, тупо разглядывая домотканый коврик, застилавший пол, даже зачем-то потрогала его. На нем не было никаких следов мертвого человека. Коврик был чистый, как будто его только что как следует вытрясли.

Но она точно видела мертвеца, подняла с пола связку ключей, которую он принес с собой...

Вспомнив про ключи, Антонина полезла в карман, чтобы достать свою собственную связку, как будто холодная тяжесть ключей могла доказать или опровергнуть загадочное появление и исчезновение в прихожей незнакомого мертвеца.

Да, вот они, эти ключи.

Она сжала их в руке, пытаясь успокоиться. Вот ключ от калитки, вот – от входной двери, вот от двери сарая, бани... А это что?

На связке был еще один ключ, маленький, из желтого металла, с фигурной бородкой.

Антонина была уверена, что раньше этого ключа в ее связке не было.

Совершенно точно не было.

Она помнила все эти ключи, потому что несколько раз ими пользовалась. И если бы на связке был такой необычный ключ, она бы его непременно запомнила.

Хотя, впрочем, сейчас она уже ни в чем не была уверена.

Антонина села на сундук и попыталась собрать расплывающиеся мысли. Впрочем, ей это никак не удавалось – мешала боль в ушибленной голове и непривычная тишина пустого загородного дома...

Тишина!

Уже второй раз за это утро она осознала, что не слышит Рика.

Всполошившись, Антонина открыла входную дверь (она была-таки заперта), вышла на крыльцо. Глоток холодного осеннего воздуха взбодрил ее, прояснил мысли. Спустившись с крыльца, она оглядела двор.

У Рика была большая теплая будка и загородка, где он находился днем, а на ночь Антонина выпускала его во двор, где он и бегал до утра на свободе. Вчера она так и поступила. Утром Рик встречал ее возле крыльца радостным лаем, потому что знал – сейчас она его покормит, а потом пристегнет поводок и поведет гулять в ближний лесок.

Но сейчас собаки не было возле крыльца, не было и на виду.

– Рик! Рikuша! – позвала пса Антонина.

Он не отозвался, и у Антонины тревожно защемило сердце.

Она обошла двор, подошла к воротам – и там увидела Рика.

Он лежал на покрытой гравием дорожке неопрятным серо-рыжим холмиком. Совершенно неподвижным холмиком.

– Рikuша! – вскрикнула она, бросилась к собаке, опустилась перед ней на колени...

При этом у нее мелькнуло неприятное и болезненное ощущение дежавю – совсем недавно она так же стояла на коленях перед телом незнакомого человека.

Только сейчас чувства у нее были совсем другие – не изумление и растерянность, а щемящая жалость. Антонина успела привязаться к Рiku, и теперь ей показалось – она потеряла близкого друга. Кроме того, она осознала, что теперь останется одна, совершенно одна в этом доме, в этом обезлюдевшем поселке.

Она прикоснулась руками к густой жесткой шерсти Рика, попыталась приподнять большую голову. Ей показалось, что большое тело пса еще хранит живое тепло...

Вдруг Рик тихонько заворчал, его глаза чуть заметно приоткрылись, сквозь узкие щелки проглянули черные зрачки, наполненные болью и страданием.

– Рikuша! – повторила Антонина, прижимаясь к теплому собачьему боку. – Рikuша, милый, что с тобой случилось?

Он снова негромко заворчал и шире открыл глаза. Казалось, жизнь понемногу возвращается к нему.

Антонина прижимала его к себе, гладила, словно пытаясь перелить в него часть своей жизненной силы.

Вдруг она обо что-то укололась. Невольно вскрикнув, ощупала шерсть на загривке – нашла там застрявший кончик стальной иглы.

Вытащив его из собачьего загривка, удивленно осмотрела.

Это был отломившийся кончик иглы для инъекций.

Самого шприца нигде не было – его несомненно унесли... Унесли, чтобы не оставлять улики...

Эту мысль непременно нужно было додумать, но сейчас у Антонины была более насущная забота: нужно было помочь Рiku. Конечно, она не знала, что ему вкололи, но могла сделать хотя бы одно – перетащить собаку в тепло.

Она вскочила, бросилась в дом, притащила один из ковриков, устилавших прихожую, с трудом перекатила на него тяжелое тело Рика и потащила его к крыльцу.

Рик был так называемой восточноевропейской овчаркой – эту породу вывели из немецкой овчарки в клубах Советского Союза и России. Умные и хорошо поддающиеся дрессировке, «восточноевропейцы» заметно крупнее и светлее своих немецких сородичей, а Рик был крупноват даже для своей породы, так что сейчас Антонина на себе почувствовала, как много он весит.

Впрочем, до крыльца она дотащила собаку без проблем, но вот втащить его по ступенькам в дом оказалось невероятно трудно. Рик тихо скулил и, казалось, чувствовал себя виноватым, что причиняет ей такие хлопоты. Но он мог только едва-едва поднимать голову, лапы были неподвижны. «Неужели пса парализовало? – с ужасом подумала Антонина. – Что она будет с ним делать?»

Наконец она втащила Рика на крыльцо.

Дальше было проще – перетащила через порог, в тепло дома, закрыла за ними дверь.

Оставив пса в прихожей, сходила за водой, поднесла миску к его морде. Рик несколько раз жадно глотнул, потом широко открыл глаза и вдруг лизнул ее руку холодным шершавым языком.

– Ну что ты, миленький! – смущенно проговорила Антонина и ласково почесала его за ушами. – Все будет хорошо!

Она тут же сама почувствовала в своем голосе фальшь, а собаки ведь понимают это гораздо лучше.

Пес шумно вздохнул и посмотрел на нее виновато.

Антонине показалось, что она прочитала мысли, светившиеся в его больших выразительных глазах: прости меня, я должен был защищать тебя, должен был поднять тревогу, когда в дом пробрался чужой – а вместо этого только причиняю тебе беспокойство!

– Что ты, мой хороший! – повторила Антонина.

Он снова вздохнул и положил большую голову на лапы. Голова теперь поднималась хорошо, и даже лапы чуть шевелились, стало быть, действие отравы потихоньку прекращается.

Теперь Антонина действительно верила, что все с ним будет хорошо, и Рик очухается.

Теперь она смогла додумать мысль, которая мелькнула у нее при виде обломанной иглы от шприца.

Рику что-то вкололи.

Наверное, не яд, а какое-то сильное парализующее средство. Или снотворное.

Вкололи, чтобы он не мешал, не поднял шума.

Из этого можно сделать по крайней мере два вывода: во-первых, в доме действительно кто-то был, мертвое тело в прихожей не померещилось Антонине.

И во-вторых – это был кто-то чужой, кто-то посторонний, а вовсе не хозяин дома, как она подумала, увидев на полу связку ключей. Ведь хозяину не было бы нужды отключать Рика – пес и так не стал бы лаять на него, не стал бы поднимать шум...

Антонина снова взглянула на пса.

Он выглядел теперь гораздо лучше, чем тогда, когда она нашла его на улице. Чувствовалось, что жизнь с каждой минутой возвращается в его большое, сильное тело.

И еще...

Он лежал на том же месте и почти в такой же позе, как человек, которого нашла Антонина час назад.

Только тот человек потом бесследно исчез, а Рик никуда не денется, она в этом уверена.

Тут же у нее мелькнула еще одна мысль, от которой по спине пробежал холодок страха.

Мертвец исчез. А ведь сам уйти он не мог, она не сомневается, что он был мертв.

А это значит, что его кто-то унес, пока Антонина была без сознания. Не только унес труп, но еще и убрал за собой все следы пребывания в доме. Значит, этот кто-то уже был здесь, когда она увидела труп, проверяла его пульс и без чувств лежала под лестницей...

А может быть, он и сейчас здесь?

Антонина испуганно завертела головой... Но тут же отбросила эту паническую мысль: Рик непременно почувствовал бы, что в доме есть чужой и дал бы ей знать...

Ноги затекли, к тому же из-под двери дуло, так что Антонина поднялась на ноги. Рик тотчас поднял голову и посмотрел на нее страдальческими глазами.

«Не уходи, – говорил его взгляд, – побудь со мной, мне плохо...»

Он даже сделал попытку помахать хвостом. Не получилось, хвост оставался неподвижным. Да, задняя часть явно еще не отошла.

Антонина сдернула с вешалки чью-то неновую куртку – может, хозяин в ней с Риком гулял – и бросила ее прямо на пол рядом с собакой. Когда она села, пес положил голову ей на колени и закрыл глаза. Антонина вздохнула и стала думать, с чего же свалилась на ее голову очередная порция несчастий.

Началось все с того, что повесился Мишка. Да нет, началось все раньше, когда ее уволили с работы. Хотя тоже нет, началось с того, что ее выгнали из собственной квартиры.

И опять-таки, все началось еще раньше, гораздо раньше, когда она развелась с Викой. А если на то пошло, то вовсе не надо было выходить за него замуж. Но, с другой стороны, она-то думала, что с замужеством настанет у нее новая жизнь – интересная и полная любви и нежности. Ага, как же, размечталась.

Ну да, если уж быть до конца точной, то началось все еще до ее рождения. Где-то там наверху решили, что необходимо пополнить ряды неудачников, и вот она, Антонина Барсукова, классическая неудачница, потрясающая недотепа, рохля, мямля и недоумок. Ничего ей не отсыпали на небесах при рождении – ни красоты, ни ума, ни характера.

«Бесполезное ты существо, Антонина, – твердил, бывало, дядька, когда был в относительно хорошем настроении, – никакого с тебя проку не будет. Ничего в жизни не достигнешь, ничего не добьешься, так и просидишь вековухой...»

Она, Тоня, молчала, как всегда глядя вбок, отчего дядька начинал потихоньку накаляться.

«Что молчишь? Язык проглотила? Нечего возразить? Знаешь такие стихи: «А вы на земле проживете, как черви слепые живут, ни сказок о вас не расскажут, ни песен о вас не споют!» Знаешь такие стихи? Отвечай, когда взрослые спрашивают!»

А у нее, маленькой, язык и правда присыхал к гортани от его громкого голоса, и не было сил им пошевелить. С детства с ней так было, очень пугалась криков. Как только повысят на нее голос, так нападал на девочку ступор, замирала она, глядя вбок, шею скосив, за что дядька в сердцах обзывал частенько племянницу полудурком. Она уж привыкла, перестала внимание обращать.

Дядька был Тоне неродной, а муж тети Лины. А тетя Лина приходилась сводной сестрой ее матери. Жили две сестры после смерти родителей в одной большой квартире, тетя Лина вышла замуж за завхоза педагогического техникума, где сама преподавала русский язык и литературу. Теткин муж был иногородний, оттого и устроился завхозом, ему дали в техникуме маленькую комнатку под лестницей. Какое ни на есть, а жилье.

Разница между сестрами была лет семь, тетя Лина вышла замуж поздно, когда уже все надежды на удачное замужество улетучились, так что стодился и завхоз. Он, кстати, переехав к молодой жене, из завхозов сразу ушел и переквалифицировался не то в управдомы, не то техником в жилконтору.

Через какое-то время дослужился он до заведующего, но пробыл на этом посту недолго, пришлось уволиться, потому что, как он говорил, «всюду интриги», и это место получил один такой... лицо кавказской национальности. Дядька добавлял еще некоторые непечатные эпитеты, он вообще в словах не стеснялся.

После жилконторы дядька устроился в одну организацию начальником по снабжению, и тоже через некоторое время пришлось уйти по собственному желанию, потому что прицепилось к нему начальство по поводу каких-то строительных материалов, которые он якобы пустил налево.

Сейчас Тоня точно знает, что дядька проворовался. Он, в общем-то, был жулик, причем мелкий, но тогда она вместе с тетей Линой считала, что дядьку необоснованно оболгали.

Тоня помнит все перипетии дядькиной карьеры, потому что это неоднократно обсуждалось на кухне во время ужина. Дядька вообще любил поговорить, и были у него только две темы для беседы: его карьера и Тонины глупость и бесхребетность.

Дядька твердил едва ли не каждый день, что Тоня – совершенно бесполезное существо, ничего путного из нее никогда не выйдет, что яблочко от яблони недалеко падает, и так далее. После чего переходил к своей непутевой свояченице, Тониной матери. Тут тоже все было как обычно, дядька никогда не отступал от темы.

Рик пошевелился, отчего Тоня почувствовала, как затекли ее ноги.

– Ты бы лег на пол, – сказала она, – раздавил меня совсем...

Она легонько спихнула голову пса на коврик и выяснила, что он спит. Не открывая глаз, пес стукнул по полу пушистым хвостом. Ого, дела идут, вот уже хвост двигается!

– Умница моя! – Тоня погладила пса по загривку и снова углубилась в воспоминания.

Тонина мать родила Тоню без мужа. Нагуляла – как говорил дядька, – неизвестно от кого. И бросила Тоню в возрасте двух лет. Просто вышла как-то из дома и не вернулась. Сказала сестре, что идет устраиваться на работу, дескать, приличная фирма, расположена удобно и платить будут хорошо. Больше ее никто не видел.

Тетя Лина через положенные три дня заявила в милицию, те нехотя завели дело, а когда узнали, что остался двухлетний ребенок, то только рукой махнули. Так и сказал пожилой мент тете Лине – дескать, дело ясное, бросила сестричка на тебя свою девчонку, а сама удрала легкой жизни искать. Оттого и придумала, что на работу устраивается, чтобы документы с собой взять. А вещи оставила, чтобы ее не заподозрили.

Все это Тоня знает в мельчайших деталях и подробностях, опять-таки, потому что дядька неоднократно орал на кухне, какими только эпитетами не награждая сестру жены. Бросила, мол, свое отродье, корми-пой девку, одевай-обувай, а кто платить станет? И такая она, и сякая, немазаная, сухая...

Порывался сдать он Тоню в детский дом, но тут повадились в квартиру ходить люди из той самой жилконторы, где он раньше работал, дом как раз и находился на ее территории. То ли через милицию, то ли через соседей узнали они, что мать Тони пропала, да и начали к квартире пристально приглядываться. И то сказать – квартира трехкомнатная на Петроградской, потолок – три с половиной метра, комнаты огромные, коридор чуть не с километр длиной...

Тогда еще ни о какой собственности на жилплощадь и слыхом не слыхали, прописаны в квартире были четверо, а если меньше станет народу, то можно бы и подселить кого-нибудь... Были тогда такие законы.

Дядька был хоть и небольшого ума, как понимает теперь Тоня, однако себя считал прозорливым и дальновидным человеком, да тут и ума большого не нужно, чтобы сообразить, как уберечь квартиру от подселения. Тоню никуда не стали оформлять, тетя Лина о ней заботилась. Ничего плохого Тоня не может сказать, голодом ее не морили, в отрепьях она не ходила, игрушки тетя Лина ей покупала, на мороженое давала, никогда грубого слова не сказала, не то чтобы шлепнуть или подзатыльник дать.

Дядька тоже ее не бил, предпочитал словами ранить. Да Тоня и привыкла уже, на слова его внимания не обращала. То есть это только кажется, а на самом деле вбил дядька в нее навеки устойчивое убеждение, что ни на что она не годна, а самое главное – никому не нужна. Тетя Лина никогда его не поддерживала, но Тоню ни в чем не разуверяла, не заступалась за нее. Сколько себя помнит, никогда тетя Лина мужу не перечила.

«Как скажешь – так и будет», – только и ответ был на все.

А дядька говорил. Даже слишком много. И все успокоиться никак не мог, заставил тетю Лину в розыск на сестру подать – или, кричал, жива она, тогда пускай сама на свою деваху раскошеляется, а если нет ее на свете – то государство должно пенсию платить.

Тоне уж тогда лет шесть было, скоро в школу идти. Те, в милиции, заявление приняли и вызвали как-то тетю Лину на опознание неизвестного трупа молодой женщины, подходящей по описанию на Тонину пропавшую мать. После посещения морга тетя Лина явилась домой бледная, как сама смерть, и вдруг упала в коридоре на пол и затряслась. А потом стала кататься и биться головой о стену. Тоня, выскочившая в коридор, взвыла от страха. Пока дядька брызгал на тетю Лину водой и орал на Тоню, чтобы та заткнулась, в незапертую дверь заглянула соседка и, сориентировавшись в ситуации, вызвала «Скорую».

Медики приехали быстро, накололи тетю Лину успокоительным, сказали, что это нервный срыв. Как узнали, что в морге была по поводу опознания, так только руками развели – что же вы хотите, ничего удивительного, такой стресс.

Дядька не то чтобы испугался за жену, просто не хотелось с ней возиться, поэтому на следующее опознание тетю Лину не пустил. А потом вдруг в почтовом ящике оказался конверт с деньгами.

«Моей дочери» – было написано на конверте. И все – ни письма, ни подписи, ни обратного адреса. Их адреса тоже не было, и марки тоже, стало быть, кто-то просто пришел в их подъезд и опустил конверт в почтовый ящик.

«Жива, шалава», – сказал тогда дядька и послал тетю Лину в милицию забирать заявление. С тех пор деньги приходили – мало и нерегулярно, а потом перестали, потому что началась перестройка.

Организация, где дядька работал начальником административно-хозяйственного отдела (так у них назывался завхоз), закрылась, дядька устроился завхозом в ведомственную поликлинику, через некоторое время там сняли главврача, поскольку пропали все материалы, выпианные на ремонт.

Тут уже Тоня была не такой маленькой, чтобы понять – дядька тоже успел половить рыбку в мутной воде, уж очень трясся он вечерами, ожидая неприятностей. Все обошлось, поскольку организация, от которой была поликлиника, тоже закрылась. Дядька спешно уволился и по знакомству устроился мелким служащим во вновь выбранную местную администрацию. С тех пор так и закрепился там, переходил потихоньку с должности на должность, а после стал директором какой-то мелкой фирмочки. Зарплату получал приличную, однако делать, как понимает теперь Тоня, ничего особенного не умел, только на подчиненных орал, так что года через два уволили его.

Но дядька не растерялся, оброс за это время полезными знакомствами и устроился в салон красоты директором. Салон этот как раз продали другим хозяевам, потому что прибыли не приносил совсем, одни убытки. Тоня к тому времени выросла и как-то подрабатывала в салоне этом уборщицей. Деньги небольшие, но зато девочки стригли и причесывали ее бесплатно.

Училась Тоня в школе средне, так и говорили учителя – серединка на половинку, никакими предметами особо не интересуется, кое-как переползает с тройки на слабую четверку. После девятого класса уговорила ее тетя Лина поступать в свой техникум, который назывался теперь колледжем. Тоне было, в общем-то, все равно куда поступать, только она твердо знала, что никогда не станет заниматься детьми. Это дело все-таки любить надо, а Тоня детей не то чтобы не любила, но больше любила животных.

С детства ни одной бродячей кошки пропустить не могла, всех ей надо было погладить и пожалеть. Собак тоже совершенно не боялась, ни одна собака на нее не зарычала. Дядька, однако, этот вопрос решил раз и навсегда – никаких животных в доме, от них только грязь и блохи. Ни собак, ни кошек, ни попугая, ни канарейки, ни мышей, ни крыс, ни морских свинок! Увижу какого-нибудь хомяка – ногой раздавлю и в туалет спущу! Тоня верила, что так оно и будет.

Один раз в своем подъезде нашла Тоня котенка – рыжий пищащий комочек. Принесла домой, напоила молоком, после чего котик заснул у Тони на руках. И тогда, пожалуй, первый и единственный раз за все детство, почувствовала Тоня небывалое счастье.

Тетя Лина, придя с работы, нахмурила брови, потом поглядела на Тоню и промолчала. Тонино счастье продолжалось до прихода дядьки, после чего начался обычный крик и последовал строгий приказ – унести из дома эту гадость. Где взяла – там и оставь, хоть в помойку выброси, сказал дядька, с этой дрянью ты в дом не вернешься.

И Тоня решилась. Она молча оделась, сунула котенка за пазуху и шагнула к двери. Она решила не возвращаться. Просто идти и идти, пока не упадет на улице. Будь что будет, но выбросить беспомощного котенка в мусорный бак она не в состоянии. Лучше самой умереть.

Очевидно, тетя Лина почувствовала что-то, заметив, как тщательно Тоня завязывает капюшон куртки и ищет варежки, потому что она взяла Тоню за руку и сказала, что они поспрашивают соседей, может, кто возьмет котеночка.

Взяли Звонаревы со второго этажа, их Ленка училась с Тоней в одной школе, на класс старше. С тех пор Тоня перестала вслушиваться в дядькины крики. Не волновали они ее больше. Никому не нужна, ни на что не годна, ни к чему не приспособлена, ни рожи ни кожи... Про жилплощадь дядька не прибавлял, потому что сумел приватизировать квартиру, офор-

мив-таки Тонину мать умершей, нашел нотариуса, который сквозь пальцы посмотрел на сомнительную ситуацию.

Было у него желание и Тоню площади лишить, но тут номер не прошел, нотариус не решился впрямую закон нарушить. Не то дядька пожадничал и заплатил ему мало, не то поболся в совершенный криминал соваться – как бы вообще квартиру не отобрали.

В общем, заикнулась как-то Тоня, что хочет после школы на ветеринара пойти учиться – такого от дядьки наслушалась. Всю жизнь – орал он – котов больных будешь усыплять, а здоровых – кастрировать! Того и гляди собака бешеная покусает или от попугая орнитоз подхватишь, или еще что-нибудь похуже!

К тому времени дядька устроился в салон красоты и старался показать себя умным и культурным человеком. Он купил костюм, надевал к нему галстук, постригся коротко (задаром, в том же салоне) и даже поставил коронку на передний зуб. В салоне он затеял полное переоборудование, заявил, что теперь будет не парикмахерская, а косметическая клиника, нахватался разных красивых слов («фотоомоложение», «мезотерапия» и так далее), сумел заморочить голову хозяйке салона, наврав ей, что имеет отношение к медицине – работал, мол, в ведомственной поликлинике, не уточняя, что трудился завхозом. Об этом подробно сообщила Тоне Ленка Звонарева, которая устроилась после окончания школы в этот же салон администратором.

Никакое улучшение внешности дядьке не помогло, клиентки, завидев в помещении здорового громогласного мужика, который приставал к ним с разговорами и орал на мастеров, пугались, были очень недовольны и многие больше не приходили. Еще дядька заявил мастерам, что их услуги скоро будут не нужны, раз теперь будет не салон, а клиника.

Коллектив салона в полном составе перешел на другое место и увел оставшихся клиентов, а из дядькиной затеи ничего, разумеется, не вышло, потому что не было у него ни лицензии, ни разрешения на открытие клиники от горздрава и еще много чего. Взбешенная хозяйка салона велела дядьке убираться вон, так он еще перед уходом пустил налево массажные столы и еще кое-какое оборудование. Об этом Тоня тоже узнала от Ленки.

О ветеринарном институте пришлось забыть, дядька сидел без работы и скрепя сердце разрешил Тоне поступать в педагогический колледж. И то потому, что после школы можно было пойти только в продавщицы, а дядька был твердо уверен, что Тоня по своей глупости проторгуется в первый же день.

В колледже как раз открыли секретарское отделение, отдавая дань моде, и тетя Лина посодействовала, чтобы Тоню приняли туда с плоховатым аттестатом. Дядьке про это решили не говорить, чтобы не слушать его неперенных воплей по поводу секретарш и козлов-начальников, которые лапают их в своих кабинетах. Дядька по обыкновению употреблял бы более сильные слова.

В колледже Тоню не замечали. Девчонки на секретарском отделении подобрались все хорошенькие, но ленивые. Учились в школе неважно, вот и решили пойти в секретарши. А что, если фирма попадется приличная, то можно если не с начальником закрутить, то какого-нибудь мужчину найти побогаче. Замуж выйти или так, через постель, в общем, в жизни устроиться.

Тоня в этом плане была личностью бесперспективной, это каждому было ясно. Не то чтобы выросла она очень уж некрасивой, нет, тетя Лина, бывало, глядя на нее, вздыхала тихонько – вроде бы и черты лица правильные, нос-глаза на месте, не толстая и не худая до безобразия, ноги не кривые, а вот поди ж ты, все вместе какое-то несуразное, несочетаемое. На занятиях тоже ничем особенным Тоня себя не проявляла, так что преподаватели только плечами пожимали – кто ее, такую растелепу, на работу возьмет?

Как встанет боком, да глянет искоса, и в глазах такое отрешенное выражение – нет, с этой девчонкой каши не сваришь...

Однако на третьем курсе как-то Тоня выровнялась, с учебой наладилось, подрабатывала летом – листовки раздавала, подписи собирала, потом приделась немножко, стала с девчонками ходить на дискотеку, на озера ездить купаться.

Не слишком ее привечали, да если честно, ей и самой такое времяпрепровождение не нравилось – парни грубые, только пиво пьют да гогочут. Девчонки визжат, развлечения у них какие-то глупые. Подкрадутся, кинут кого-нибудь в воду в одежде – то-то весело. Но все-таки не одна как перст, не дома же сидеть, дядькину ругань слушать.

После косметического салона дядька долго сидел без работы – растерял прежние связи, поскольку все старые знакомые его в местной администрации давно уволились, на их место пришли молодые и, по дядькиному выражению, наглые до неприличия, подметки на ходу рвут, им бы только от государственного пирога кусок побольше откусить, а больше их ничего не интересует.

Тоня еще тогда плечами пожимала – как будто дядька не этим самым всю жизнь занимался, да только не слишком хорошо у него это получалось, вот он и злится. Дядька перехватил ее взгляд и хоть и был по природе сильно толстокожим, все же что-то понял и открыл было рот, чтобы заорать на нее, но тут тетя Лина вовремя отвлекла его каким-то хозяйственным вопросом.

Дядька смирился с тем, что он не будет больше начальником, и стал искать работу попроще. Но, как уже говорилось, делать толком он ничего не умел, и катило уже ему к пенсии, так что можно было найти работу только сторожем или сменным вахтером. Консьержем и то не брали – дядька пытался по старой памяти орать на жильцов, изображая начальника, а им это не нравилось.

Девочки из салона подсустились, рассказывали всем клиентам, что за человек дядька, как он обманул хозяйку, да еще и обокрал по мелочи, так что связываться с ним в районе никто не хотел.

На выпускном вечере Тоня впервые в жизни напилась. Это получилось случайно, выпила пару коктейлей, да еще ребята водки налили. Как домой добралась, не помнит, провожать, конечно, никто не стал, хорошо хоть в такси посадили. Таксист попался жуликоватый, вытащил все деньги из кошелька, правда было там немного, да еще и сережки из ушей вынул, теткин подарок на восемнадцатилетие.

Тысячи девчонок ездят в такси, и ничего, а тут попался подлец. Такое уж Тонино счастье. Дядька, увидев Тоню, просто оторопел, а тетя Лина только руками всплеснула. Дядьке бы промолчать тогда, да где там, начал орать как обычно.

Все знают, что с пьяным ругаться бесполезно, себе дороже обойдется, но дядька никогда здравым смыслом не руководствовался. Тут уж Тоня не стерпела, тетя Лина ей потом рассказывала. Как начал дядька ее неприличными словами костерить, так обозвала она его тоже повсякому да поварешкой по лбу съездила. Удар получился несильный, все же здорово она была пьяна, да только дядька заголосил, упал. «Скорую», – кричит, – милицию вызывай. Больше Тоня ничего не помнит, очнулась в своей комнате, спит на кровати одетая. Плохо ей было, в горле пересохло, она и пошла тихонько на кухню. А там свет горит, и голоса слышатся. Подкралась Тоня тихонько к двери, приникла к щелочке.

Дядька сидит на стуле, на голове мокрое полотенце. С виду ничего в нем не изменилось, крови не видно, отлегло у Тони от сердца. Злой, как обычно, я говорит, эту... такую-сякую в тюрьму посажу. Пойдет у меня на зону баланду жрать да охранниц ублажать. Завтра же в милицию пойду и заявление на нее напишу.

Тетя Лина полотенце у него забрала да и встала напротив. Только было Тоня подумала, что скажет тетка свое обычное: «Как хочешь, так и будет», как вдруг тетка хлестнула мужа своего полотенцем и сказала тихо так, но твердо:

«Никуда ты не пойдешь. Мало ты ей жизни испортил, так еще и на зону отправить хочешь? Имей в виду, я ничего подтверждать не стану, а еще и скажу, что ты сам упал, а на нее сваливаешь. Соседи все подтвердят, что у нас каждый день скандалы, ты своими криками всех достал. Да еще и порасскажу там, в милиции, про твои темные делишки».

Дядька-то трус был изряднейший. А тут так удивился, что жена бессловесная заговорила, что едва со стула не упал.

«Ты что, – кричит, – ты в уме ли – такое говорить?»

А тетя Лина свое твердит:

«Оставь племянницу в покое, и так девчонке досталось – без отца, без матери растет. Да ты еще тут. Так что угомонись, никуда не ходи, ничего с тобой не случилось, подумаешь, по голове поварешкой получил. Да у тебя там монолит. Чего ты к ней привязался? Не пьет, не гуляет, учится как-никак, по дому помогает, парней не водит – чего тебе еще? Не знаешь ты, какие дети бывают, я на своей работе нагляделась. Вот окончит она уже колледж, работать пойдет, жизнь свою устроит, нам на старости помощь будет...»

«Вот это, – дядька говорит, – вряд ли. От осинки, милая, не родятся апельсинки. Если мать была шалавой последней, ребенка малого бросила, то и дочка рано или поздно такой же станет».

На это тетя Лина промолчала, а Тоня напилась воды в ванной прямо из-под крана и спать пошла.

Утром пришлось, конечно, перед дядькой извиняться. Он против обыкновения сильно орать не стал, но и милицией не грозил. И пошло у них все по-старому.

Дядька-то мерзавец, конечно, каких мало, но тетя Лина всегда к Тоне хорошо относилась, не было у нее никого, кроме тетки. Зато Тоня с ней нехорошо поступила. Тетки в живых нет, а ей теперь всю жизнь будет стыдно. И теперь получается, что нет у Тони никакого родного существа, кроме вот Рика. Только он к ней хорошо относится. Как познакомились, сразу ее принял.

Рик, должно быть, почувствовал, что Антонина думает о нем. Он приподнялся, взглянул на девушку своими умными темными глазами. В этих глазах светилась преданность и благодарность.

Девушке сразу стало легче – все-таки она не одна, Рик не даст ее в обиду.

– Да ты уже и на лапы опираешься! – обрадовалась она. – Ну, Рikuша, скоро бегать станешь!

Рик едва слышно рыкнул и снова сделал попытку положить голову ей на колени. Антонина, смеясь, схватила его за уши и поцеловала в нос. Рик отстранился и чихнул. И даже рыкнул посильнее – мол, что ты себе позволяешь, я же серьезная сторожевая собака, а не диванная болонка или там что-то мелкое, что под мышкой носят вместо сумочки. Этих можно тискать и целовать...

– Да ладно, – сказала Антонина, – я же вижу, что тебе нравится. И потом, никто же не узнает.

И почесала пса за ухом. Он блаженно вздохнул и закрыл глаза.

Успокоившись, она вспомнила, что так и не позвонила по тому номеру телефона, который ей дал Владимир Борисович. А ведь он велел ей звонить в случае любых неприятностей, или форс-мажорных обстоятельств, как он выразился. Ни в полицию, ни в другие службы, а только ему.

Она начала уже набирать номер и вдруг задумалась.

Что она скажет?

Что в доме неизвестно откуда появился труп незнакомого ей человека, и что потом этот труп необъяснимым образом исчез? Пока она, как полная дура, валялась под лестницей.

Как она будет выглядеть?

В лучшем случае как законченная идиотка. А может, как наркоманка, которая нанюхалась или наелась какой-нибудь дряни, и теперь у нее начались галлюцинации... Реакция нормального человека – немедленно выгнать ее из дома!

Нет, про непоседливого покойника говорить никак нельзя!

Так, значит, может, вообще не звонить? Ничего не говорить о том, что произошло?

Но так ей никто не поможет, и она останется один на один со своими проблемами. А что, если этот кошмар повторится? Да она теперь ночью глаз не сомкнет.

Ну, конечно, она не совсем одна, у нее есть Рик...

Тут Антонина сообразила, что она может сообщить по телефону: кто-то проник на участок и отключил Рика, сделав ему укол снотворного. Уж это-то ей точно не привиделось – вот обломок иглы, который она извлекла из шкуры пса, да и сам Рик еще не отошел от укола. От этого факта не отмахнешься, так что тот, кому она позвонит, должен будет принять какие-то меры...

Она набрала номер, поднесла телефон к уху, но жизнерадостный голос сообщил ей, что данный абонент временно недоступен.

Вот так вот! Владимир Борисович дал ей этот телефон, чтобы звонить по нему в случае экстренной необходимости – а он недоступен! А что, если бы ситуация действительно была форс-мажорная? Что, если бы в дом ломились бандиты или если бы он горел?

Тоня еще раз набрала тот же номер, прослушала такой же жизнерадостный ответ и убрала телефон в карман.

Рик крепко спал на коврик, отбросив лапы. Выглядел он получше, так что Тоня отошла тихонько. Чем так сидеть, лучше заняться делом, а то так и сбрендить недолго. Воспоминания то и дело лезут в голову, а что ей вспоминать-то? Ничего хорошего у нее в жизни не было, одна беспросветность.

Текущее дело у нее было одно, а именно – уборка.

На это у нее уходило пока все свободное время – дом большой, хозяйева, должно быть, уезжали в спешке, потому что все брошено как попало, в полном беспорядке. За два дня она успела прибрать в спальне и вымыть кухню, а также разобраться в столовой и начерно вымести холл на первом этаже, оставались еще две детские, кабинет и комната для гостей.

Комната была явно нежилая, пахло там затхлостью и пылью, кровать была вовсе без матраса, так что Тоня ночевала не в хозяйской спальне, а на первом этаже, в небольшой комнатке, примыкающей к кухне. Владимир Борисович так и сказал – живи, где хочешь, ешь, что найдешь, только приберись как следует.

Тоня тяжело вздохнула и приступила к детским комнатам. Там царил совершеннейший кавардак. Она знала, что в доме жила семья – родители и двое детей – мальчик и девочка.

Судя по обстановке, мальчишка был подростком, а девочка лет семи. В ее комнате все было гламурно-розовое, занавески в рюшечках, покрывало на кровати разрисовано шариками и медвежатами, на стенах портреты семи сказочных принцесс. Тоня рассмотрела Белоснежку, Жасмин и Русалочку, потом ей надоело. Осторожно ступая, она собрала с пола игрушки, книжки, какие-то коробочки и пластмассовые части конструктора. Была еще колония меховых зверей, на полке игрушечная посуда и пластиковые продукты – торты, пирожные, гамбургеры, овощи. Тоня улыбнулась своему интересу: вот бы такое было у нее в детстве!

Разборка всего этого заняла почти час.

У мальчика было и того хуже. Все валялось на полу вперемешку – носки, майки, кроссовки, спортивные принадлежности, сломанная игровая приставка, порванные плакаты, тетрадки, учебники. Компьютера не было, очевидно, забрал с собой.

Тоня распахала мелочи по ящикам письменного стола, собрала одежду с пола и развесила по шкафам, сдернула залитое апельсиновым соком и колой постельное белье и сунула его в стиральную машину.

За такой работой время пролетело незаметно. Тоня утомилась и захотела поесть.

Она произвела очередную ревизию холодильника и буфета и выяснила, что там еще довольно много замороженных овощей и мяса, но совсем нет хлеба. И ничего сладкого. А сладкого очень хотелось – это самый доступный способ снять стресс.

Напиться горячего крепкого чаю с печеньем да с шоколадными конфетами. Ох, какое печенье тетя Лина пекла по праздникам! Фигурное, а в середине шоколад или варенья капелька. И во рту выпечка прямо рассыпалась, жевать не нужно было. Или еще такие смешные кулечки с брусничным вареньем, назывались они почему-то «жулики». Дядька перед телевизором целое блюдо сожрать мог, тетя Лина Тоне заранее на тарелочку откладывала и в секретном месте прятала.

Тут в доме ничего нет, даже леденцов детских не завалялось, сахар кусковой и тот кончился.

Тоня подумала и решила прогуляться до магазина – купить все самое необходимое, а заодно пройтись, подышать свежим воздухом. На улице не было дождя, и даже солнце несмело пробивалось из-за туч. Рик поднял голову и даже попытался встать, но лапы разъехались, и он снова плюхнулся на коврик.

– Ничего, – сказала Тоня, – все будет хорошо. Ты полежи здесь, а я тебе колбаски принесу. Или сыру.

На собаке хозяева не экономили, в сарае стоял мешок сухого корма, однако Рик сразу же дал понять Тоне, что не откажется и от человеческой еды. И Владимир Борисович говорил, что дети его избаловали, сосисками кормили и сухим печеньем.

Надев кроссовки и куртку с капюшоном, а самое главное – потрепав на прощание Рика по загривку, Тоня вышла из дому, открыла калитку и покинула участок.

Антонина не стала брать машину – до магазина было недалеко, и ей хотелось прогуляться.

День оказался совсем солнечный. На березах уже появились желтые листья, расцветив золотом зеленый фон ближней рощи, черепичные крыши соседских коттеджей бросали вокруг красноватые отблески.

Коттеджный поселок «Холодный ключ» был построен неподалеку от обычной деревни Заречье, где собственно и находился магазин, куда направилась Антонина. Поселок соединяла с деревней хорошая шоссейная дорога, по сторонам которой рос густой темный ельник. Девушка уже вышла на эту дорогу, когда услышала позади поспешные шаги и шумное, с присвистом, дыхание.

Обернувшись, она увидела, что ее догоняет толстая тетка лет пятидесяти в леопардовых лосинах и полосатом свитере ручной неаккуратной вязки. На ногах у тетки были ярко-желтые галоши, в которых ходят в огород.

– Постой! Обожди! – окликнуло ее это чучело. – Куда ты так несешься? Обожди минутку, мне тебя не догнать!

Антонина нехотя замедлила шаги и дождалась незнакомку. Та, громко пыхтя, нагнала ее и проговорила, отдуваясь:

– Ну вот, еле догнала! Ты ведь в магазин идешь, в деревню? И я тоже в магазин. Прикинь, в доме ни печенья, ни конфет не осталось, чаю выпить не с чем!

«А тебе бы, милая, про конфеты и печенье лучше вовсе забыть, – подумала Антонина, критически оглядев ее фигуру. – А то ты скоро ни в одну дверь входить не будешь!»

– Так что пойдем вместе, а то одной-то через лес страшновато... По дороге далеко, а вместе мы по тропиночке срежем. Там метров пятьсот всего пройти – и вот он, магазин-то!

Там, правда, тоже мало что купишь, – вздохнула толстуха. – Одно слово – «сельпо»! А ты ведь за домом Самохиных присматриваешь?

– Ну да, – проговорила Тоня, покосившись на спутницу.

Вот интересно, откуда она все знает? Вроде Антонина ни с кем не общалась, никому ничего не говорила...

– А я – за домом Лисовских, – сообщила та. – Меня Анфиса зовут, Анфиса Павловна...

– Антонина, – лаконично представилась девушка и снова замолчала. У нее не было никакого желания поддерживать разговор.

– Твои-то так спешили, так спешили, когда уезжали... – снова заговорила Анфиса, не в силах помолчать дольше минуты. – Кое-как вещи покидали в багажник – и помчались, будто за ними черти гонятся...

– Спешили? – переспросила Антонина, искоса взглянув на спутницу.

Она и сама заметила в доме следы поспешного отъезда, но хотела понять его причины.

– А как же, конечно, спешили! – подхватила Анфиса, почувствовав в ее голосе интерес. – На самого-то, на Вячеслава Андреевича, здорово наехали, так ему пришлось все бросить и когти рвать!

– Наехали? – снова переспросила Антонина. – В аварию, что ли, попал?

– В какую аварию? – Анфиса взглянула на нее, как на ребенка. – Ты что, не знаешь, как наезжают?

– Ах, в этом смысле! – сообразила Антонина. – А кто же на него наехал?

– А вот это уж я не знаю! – Анфиса поджала губы. – А ежели я не знаю – никогда лишнего говорить не стану! А ты-то ничего про них не знаешь? Не знаешь, к примеру, куда они уехали? – Глаза Анфисы зажглись жгучим интересом.

– Ничего не знаю! – отрезала Тоня. – Я вообще им человек посторонний, наняли за домом присмотреть, пока Владимир Борисович в отъезде – и все.

– Ну, это ты, конечно, правильно, что лишнего не говоришь, – пробормотала Анфиса с обидой. – Посторонним ничего выкладывать не надо. Да только я-то не посторонняя, и если я что знаю – то я никому и ничего, я как могила...

«Ага, никто, кроме всех на базаре, не узнает! – подумала Антонина. – Да если бы я что-то и знала – ни за что бы такой тетке не сказала!»

– Говоришь, Владимир Борисович тебя нанял... – продолжала Анфиса с ехидной улыбкой. – Ну, Володька, хозяином заделался, персонал начал нанимать! Футы-нуты, какие мы важные! Как говорится – кот из дома, мыши в пляс! Вот тут свернем, вон она, тропинка-то...

Идя по тропинке, Тоня оценила пользу Анфисины галош. Дорожка была узкая, плохо протоптанная, со всех сторон наступали кусты и мох. Антонина прекратила пустую беседу и сосредоточилась на выискивании сухих мест. Это удавалось ей плохо, ноги в кроссовках мигом промокли.

Между тем они вышли к деревне, миновали два-три невзрачных домика и подошли к магазину. Анфиса вошла первой и разочарованно протянула:

– Ну, так и знала! Ничего нету!

– Зря вы так, женщина! – возразила ей продавщица, чем-то неуловимо на нее похожая. – Сегодня же привоз был, и хлеб свежий привезли, и молоко, и даже окорочка куриные замороженные!

– Сама вот и пей чай с морожеными окорочками! – фыркнула Анфиса. – А печенья хорошего нету! И конфет тоже!

– Как это нету? – возмутилась продавщица. – А это что же – не печенье? Вот ведь – и курабье есть, и суворовское...

– Где курабье? – повысила голос Анфиса. – Это? Какое же это курабье? Что я – курабье не знаю?

– А что же это, как не курабье? – не сдавалась продавщица. – Вон и этикетка на нем – написано «курабье»!

– Мало ли, что этикетка! – не унималась Анфиса. – Этикетку можно какую хочешь прилепить, а только это никак не курабье! Если хочешь знать, это венское печенье!

Антонина молчала, с тоской глядя на грязноватый прилавок. Сухое печенье было навалено на нем неаппетитной кучей, да еще и ползали по нему неторопливые осенние мухи. В конце концов она взяла завалившуюся в углу шоколадку и полкило кускового сахара.

Анфиса Павловна долго препиралась с продавщицей, наконец выбрала все же печенье и велела взвесить карамелек в ярких обертках.

– Хоть фантики красивые, – ворчала она.

Зато хлеб был свежий, еще теплый.

– Они его из пекарни привозят, тут недалеко, – сказала Анфиса, – ай да ладно, хлеб такой с маслом да с вареньем – и ничего больше не надо!

Тоня хотела неодобрительно скривить губы – дескать, от хлеба толстеют, но поймала себя на мысли, что тоже ужасно хочется хлеба с вареньем. И чай чтобы горячий, крепкий, сладкий... Что-то она тут разъелась, на свежем воздухе.

Обратно шли медленно, Анфиса все время отставала.

– Я тут постоянно живу, – пытаясь, рассказывала она, – летом-то все тут, а осенью и зимой только по выходным приезжают. Ну, ясное дело, друзья, компании разные у них, потом уборки – ужас! Все бы ничего, хозяин вообще ни во что не вмешивается, хозяйка не вредная, только она, понимаешь, подвинута на здоровом образе жизни. Сама худая, как спица от велосипеда, ничего не ест, пьет только воду, и то какую-то специальную, при виде сладкого прямо трястись начинает. И ну мне выговаривать! Еще тоже взяла моду – подробно перечисляет, что с моими внутренностями делается, когда я конфеты ем!

– Да ей-то какое дело до ваших внутренностей! – не выдержала Тоня.

– Вот и я о том же! – подхватила Анфиса. – Но, сама понимаешь, с хозяевами спорить, что против ветра плевать – все на меня же и попадет. Думала я даже уволиться, да больно место хорошее. Всю неделю-то я одна в пустом доме. Приберусь, да и делаю что хочу. И платят прилично, грех от такого места отказываться. Так-то, на буднях, здесь почти никого нет, но ты не бойся, пока соседи вокруг есть.

– Да не боюсь я, у меня собака, – ответила Антонина.

– Рик? Хороший пес, серьезный, не пустилай какой-нибудь, – согласилась Анфиса. – Когда Самохины уезжали, Татьяна, жена-то самого, уж очень Володьку просила – не оставьте, говорит, собаку, проследите, чтобы с Риком все в порядке было, чтоб накормлен и все прочее. А он, вишь, слинял, тебя нанял...

– Он сказал – на две недели. Мать, говорит, заболела, надо съездить... – неизвестно зачем объяснила Антонина.

– Ну не знаю... – Анфиса поджала губы, – что-то не слыхала я, что у него мать жива. Один, говорил, как перст, никого нету. А после говорил: денег ему оставили прилично – дескать, живите, за домом смотрите, пока мы не объявимся. Да только я скажу, что здорово их припекло, раз собаку они бросили, вот что...

Она замолчала и несколько минут шла тихо, но не выдержала и снова заговорила:

– Тут как было: иду это я к Молоковским, что на соседней улице живут, ихняя кухарка Анна мне рецепт яблочного повидла обещала. Яблоко нынче уродилось – неизмеримое количество, у нас хоть за яблонями никто не смотрит, все равно урожай хороший. Думаю, соберу хоть сколько-то да и сварю. Спрячу подальше, чтобы хозяйка не увидела, да и буду повидло всю зиму кушать! Ну, иду это я, вдруг машина Татьянина летит на полной скорости. Чуть кота Аникеевых, что через дом от них, насмерть не сбила! И то сказать, кот у Аникеевых больно наглый, ходит вечно посреди дороги, и все машины его объезжать должны. Ну, вывернулся

он тут, со страху на забор взлетел. А Татьяна ворота не закрыла, даже во двор заезжать не стала. Бегом в дом, дети за ней. Гляжу – тащат вещи кой-какие, девчонка ревмя ревет, Рика обнимает, брат ее схватил в охапку да и в авто. Татьяна выбегает, вся запыхалась, волосы растрепаны. Что-то на ходу Владимиру кричит, в машину села да и газанула, только ее и видели вместе с детьми. Я как такое увидела, так и встала столбом. А после очухалась, да и спрашиваю Владимира – что случилось-то? А он как рывкнет – иди по своим делам и в чужие не суйся!

«Это правильно», – подумала Антонина.

Когда они вернулись в коттеджный поселок, Анфиса попыталась попроситься к Антонине в гости.

– Посидим, чаю попьем... Тут ведь такая скука смертная!

Антонина отказалась наотрез – мол, Владимир Борисович настрого запретил ей пускать в дом посторонних.

– Так то – посторонних! – ныла Анфиса. – А я разве же посторонняя? Такая же, как ты!

– Не велено – и все! – отрезала Антонина.

Анфиса разобиделась и свернула к своему коттеджу.

Антонина пошла дальше.

Свернув к дому Самохиных, она удивилась: возле ворот стояла большая черная машина, а перед калиткой переминался с ноги на ногу высокий мужчина в темном костюме с галстуком.

Девушка подошла к незнакомцу и удивленно спросила:

– А вы кто? Что вам нужно?

Тот махнул перед ее лицом каким-то удостоверением (она не успела разглядеть ни имя, ни название организации) и, в свою очередь, спросил:

– А вы кто такая?

Антонина назвала свое имя, объяснила, что оставлена здесь присматривать за домом.

– Давайте тогда продолжим наш разговор внутри! – сухо заявил мужчина. – Ни нам, ни вам не нужно, чтобы о нашем визите пошли разговоры.

Антонина хотела было ответить, что ей, в общем-то, все равно, но решила не зарываться. Она вошла в калитку, открыла ворота. Машина въехала во двор, и из нее вышли еще двое – женщина, тоже в темном костюме, и молодой парень в кожаной куртке, видимо, шофер. Женщина эта Антонине сразу не понравилась – какая-то она была сухая, и глаза холодные, как две льдины. И вроде бы не толстая, а костюм сидел на ней плохо. Мужской она, что ли, купила? Да не может быть. Под костюмом была у нее блузка, фасоном как мужская рубашка, только галстука не хватало. На ногах уродские туфли без каблучков. Прямо агент ФБР, как их в американских боевиках показывают!

Женщина сразу перехватила инициативу – должно быть, она здесь была старшей.

– Значит, Самохин нанял вас, чтобы присматривать за своим домом, – проговорила она, сверля Антонину холодным неприязненным взглядом. – Когда и как вы с ним познакомились?

– Я с ним вообще не знакома! Я его никогда не видела!

– Что-то у вас концы с концами не сходятся, – прошипела женщина в черном. – Вы только что сказали моему коллеге, что Вячеслав Самохин нанял вас присматривать за своим домом!

– Да не говорила я, что он меня нанял! – огрызнулась Антонина. – Я даже его имени не знала, пока вы сейчас не сказали!

– А кто же вас тогда нанял?

– Владимир Борисович нанял... Здешний сторож, он сказал, что ему надо отлучиться ненадолго...

– А его вы откуда знаете?

– А меня с ним познакомил охранник из фирмы, где я раньше работала...

– Владимир Борисович? А фамилия у него есть?

– Есть, конечно, да только я ее не знаю!

Женщина переглянулась со своим коллегой, и тот быстро проговорил:

– Владимир Борисович Василенко. Тот еще прохиндей. Сам сбежал в неизвестном направлении.

– Ах, вот даже так... – Женщина поморщилась, как будто раскусила лимон. – Допустим... В розыск его объявили?

– Да с чего бы?... – проговорил мужчина неуверенно.

– Ладно, пока подождем... – процедила женщина после некоторого молчания.

Она быстрым взглядом окинула двор, потом подошла к крыльцу, поднялась.

– Эй, а вы куда? – спохватилась Антонина. – Мне не велели никого в дом пускать!

– К нам это не относится! – отрезала женщина.

«Вот как, – подумала Антонина, – этой швабре, оказывается, все можно. Только непонятно, кто они такие, эти люди в черном».

Женщина ей активно не нравилась, вот бывает так – увидишь человека, вроде бы он тебе ничего плохого не сделал, вообще двух слов не сказал, а от его вида тебя прямо тошнит. И хорошо, если человек этот к тебе никакого отношения не имеет. Ну, познакомились случайно да и разошлись как в море корабли. А если это окажется, допустим, новый начальник? Тогда нужно срочно увольняться.

Женщина между тем вошла в дом. Оттуда донеслось басовое рычание Рика, и женщина тут же вылетела на крыльцо как пробка из бутылки. Ее прежняя невозмутимость исчезла без следа, лицо было красным, на нем злость смешалась со страхом.

– Собака! Там собака! Почему мне никто не сказал? Вы же знаете, что я... Уберите сейчас же собаку!

– Да, шеф! – выпалил ее помощник и бросился в дом, на ходу что-то вытаскивая из-за пазухи.

Антонина, однако, опередила его, первой влетела в прихожую и увидела Рика, который стоял напротив двери. Он был еще слаб, ноги плохо его держали, но героический пес грозно скалил желтоватые клыки и рычал на незваных гостей, давая им понять, что никого не пустит в дом. По крайней мере без боя.

Антонина обняла его, стараясь успокоить, заслонила от мужчины в черном и бросила тому в лицо:

– Вы что, совсем сдурели? Стрелять будете в большую собаку? Тогда сначала меня убейте!

– Да никто твоего пса не собирается убивать, – примирительно проговорил мужчина, одергивая пиджак. – Ты его просто придержи... А то, видишь ли, рычит тут!

– Он свою территорию охраняет! – огрызнулась Антонина. – Для него ваши удостоверения ничего не значат! Вы для него чужие, и все тут!

Женщина в черном показала за спиной своего напарника. Она немного успокоилась, лицо больше не было малиновым, губы не дрожали, только в глазах метался страх, что Антонина отметила с неизъяснимым злорадством.

– Так уведите свою собаку! – прошипела она недовольно. – Заприте ее где-нибудь!

– Саму тебя надо запереть... – вполголоса пробормотала Антонина и повернулась к собаке:

– Рик, лежать! Все в порядке, это свои!

Рик посмотрел на нее недоверчиво.

«Знаю я, какие это «свои», – казалось, говорил его выразительный взгляд. – Но раз ты говоришь – я подчиняюсь. Дисциплина есть дисциплина. Я не какой-нибудь дворовый пес, я в собачьей школе обучался».

Он лег на коврик, положив морду на лапы, и только исподлобья посматривал на незнакомых людей.

– Он будет спокойно лежать, – проговорила Антонина, поглаживая пса между ушами. – Не бойтесь!

– Я ничего не боюсь! – рявкнула на нее женщина в черном. – Мне нечего бояться! А вот тебе... У тебя, кстати, паспорт имеется?

– А как же! У меня все, что нужно, имеется!

– Так принеси!

– С чего это вы мне тыкаете? – фыркнула Антонина.

– Не нравится – можно и на вы, – проскрежетала женщина. – Не хочешь здесь разговаривать – поедешь с нами, будем говорить в другом месте...

Антонина посмотрела на нее пристально. Глаза этой бабы горели неукротимой злобой. Такая здорово жизнь испортить может. Вот скажет своим – и, правда, посадят Антонину в машину и увезут. Толку им от этого чуть, поскольку Антонина ничего не знает, но баба эта хочет над ней свою власть показать. Тем более Антонина видела, как она собак боится, а ее Рик слушается. Она перевела взгляд на мужчину в черном костюме. Показалось ей или нет, что он едва заметно мотнул головой – мол, не ерепенься, делай, что эта зараза велит, а то огребешь неприятностей по полной. Я-то знаю, давно с ней работаю, это такая стерва...

– Ладно, – смирилась Антонина. – Спрашивайте, что вам нужно!

– Паспорт! – Женщина протянула руку.

– Сейчас принесу! – Антонина прошла в свою комнату, мужчина в черном шел следом за ней как пришитый. Она почувствовала неловкость, увидев свою незастеленную кровать, и разозлилась.

– Ты и в туалет за мной пойдешь? – осведомилась она, покосившись на мужчину.

– Надо будет – пойду! – спокойно ответил он.

Антонина достала из сумочки свой паспорт, вернулась в прихожую, протянула документ женщине:

– Ну, вот! Еще что нужно?

Женщина внимательно изучила паспорт, долго задержалась на странице с регистрацией, наконец подняла взгляд на Антонину:

– И что же вы здесь делаете, Антонина Алексеевна?

– Я вам уже сказала – присматриваю за домом.

– С чего бы молодая женщина вроде вас согласилась на такую странную работу? Сидеть одной в деревне, где вокруг ни души... Никаких развлечений... Это скорее для пенсионеров подходит, и то не всякий согласится!

«А тебе-то что...» – подумала Антонина, но вслух, разумеется, ничего не сказала.

– Мне жить негде, вот и согласилась! – наконец неохотно проговорила она.

– Жить негде? – недоверчиво переспросила женщина. – Странно, вот здесь написано, что вы зарегистрированы в хорошем районе, в центре города...

– Там у меня с родственниками проблемы... – буркнула Антонина, всерьез разозлившись.

Не рассказывать же этой заразе про дядьку, про его Мариночку, про Аслана и Махмуда, про то, как ее едва с лестницы не спустили, и про свой страх, когда ощутила прикосновение ножа к горлу.

– Допустим... – процедила железная женщина. – Допустим, что вы и в самом деле ничего не знаете и просто присматриваете за домом. Но тогда другой вопрос. За то время, что вы здесь находитесь, вы не видели ничего необычного? Сюда никто не приходил?

Антонина вспомнила труп, который нашла в прихожей, и невольно взглянула на то место, где он лежал. У нее мелькнула мысль рассказать об этом трупе, но она тут же остановила себя – если она расскажет, эта железная женщина окончательно уверится в ее причастности к тому, что здесь происходит, и уже точно заберет ее с собой.

– Никто не приходил, – отчеканила она. – И никого и ничего не видела.

Женщина, однако, перехватила ее взгляд и посмотрела на пол – туда, где Антонина нашла труп. Теперь там лежал Рик.

– О чем это вы подумали? – спросила она раздраженно.

– О том, что собаке нужна помощь! – выпалила Антонина. – А я вместо этого трачу на вас свое время!

Она вдруг не выдержала и повысила голос:

– Слушайте, да какое вам до всего этого дело? Какая вам разница, о чем я думаю? Задавайте свои вопросы и уматы... Уезжайте, откуда приехали!

– А вот уедем мы тогда, когда посчитаем нужным! – процедила женщина в черном, опасливо обошла Рика и уверенно направилась вверх. Ее напарник пошел следом.

– Эй, вы куда это? – бросила им вслед Антонина. – Мне никого не велели пускать...

– К нам это не относится! – повторила женщина не оборачиваясь.

– Как же, не относится... – проворчала Тоня и села на коврик рядом с Риком. Его спокойный взгляд и ровное дыхание успокаивали ее, придавали уверенности.

С ее места было видно, что женщина в черном и ее напарник закрылись в кабинете. Оттуда доносился шум – выдвигали ящики, что-то бросали на пол.

«Опять мне придется там порядок наводить...» – тоскливо подумала Антонина.

Молодой шофер остался в прихожей. Он походил взад-вперед, потом открыл комнату, которая служила иногда гостиной. Тоня до нее не добралась еще с уборкой. Парень вошел туда и начал с интересом перебирать разбросанные вещи.

Антонина вскочила, встала на пороге:

– Эй, ты что тут шастаешь? Пропадет что-нибудь, а с кого спросят? С меня!

– Да не возьму я ничего, не беспокойся! Больно надо, тут и ценного ничего нет, одна ерунда! И вообще, никто с тебя ничего не спросит! – миролюбиво ответил парень. – Сбежали твои хозяева.

– Сбежали? – переспросила Антонина. – В каком смысле сбежали?

– В самом прямом. Жена и дети вылетели в Германию, оттуда – еще куда-то, а сам хозяин исчез. Наверное, тоже улетел, только по чужим документам.

– Ну надо же... – протянула Тоня.

Выходит, Анфиса Павловна все точно рассказала, ничего от себя не присочинила. Тоня не очень-то ее слушала – про повидло и кота ей было неинтересно.

– Только зря я тебе это все рассказываю... – Водитель опасливо поглядел на потолок, со второго этажа по-прежнему доносился шум.

– Да ладно, я не болтливая. А чего это она так из-за Рика переполошилась? – Тоня тоже кивнула на потолок.

– Соколова-то? Да она очень собак боится. Так – железная женщина, а как увидит собаку – прямо сама не своя... С детства это у нее, что ли... Случай какой-то был... Вроде от бешеной собаки она убегала...

«Жаль, что убежала», – подумала Тоня.

Они еще несколько минут поговорили. Потом дверь кабинета открылась, по лестнице спустилась железная женщина со своим напарником, подошла к Антонине, смерила ее взглядом.

– Имейте в виду, Барсукова, если вы нас ввели в заблуждение – ответите по всей строгости! И никуда отсюда не уезжайте, вы нам можете еще понадобиться! Имейте в виду – мы все про вас знаем и найдем вас, где бы вы ни скрывались!

– С чего бы это мне скрываться? – проворчала Антонина. – Я ничего плохого не сделала!

– А уж это нам лучше знать! – отрезала железная женщина и направилась к выходу, стараясь держаться подальше от Рика.

Рик проводил ее спокойным, неодобрительным взглядом и рыкнул вслед что-то нелicense-приятное.

Вся троица спустилась с крыльца, погрузилась в машину и уехала, оставив после себя раздражение и запах бензина.

Антонина закрыла за ними ворота, вернулась в дом и погладила Рика по загривку:

– Ну все, Рikuша, все ушли, можно расслабиться! А ты держался молодцом! Скоро ходить будешь, а потом и бегать!

Рик благодарно заворчал.

Вдруг это ворчание оборвалось, он приподнял голову, уши встали торчком, шерсть на загривке поднялась дыбом, и на смену уютному ворчанию прозвучал грозный рык.

– Что с тобой, Рikuша? – удивленно спросила Антонина.

Тут в калитку позвонили.

– Вот черт, они вернулись! Забыли что-нибудь?

Девушка вышла из дома, подошла к калитке и открыла ее, не задавая вопросов.

И тут же пожалела об этом.

По ту сторону стояла не железная женщина Соколова, не ее верный напарник и не симпатичный молодой шофер. Там стоял крайне неприятный тип в коротком черном пальто. У него были выступающие вперед кривые зубы, приплюснутый нос и маленькие бегающие глазки. В довершение портрета нужно добавить, что он жевал резинку, мерно двигая челюстями из стороны в сторону.

Антонина попыталась закрыть калитку, но неприятный тип выставил вперед ногу, а потом весь протиснулся в калитку и встал перед Антониной, сверля ее своими маленькими глазками. Он обернулся и коротко свистнул, и тут же в калитку протиснулся второй тип – здоровенный и толстый, как надувной человек, рекламирующий шины «Мишлен», с маленькой круглой головой на широченных плечах. Он встал за спиной первого, так же флегматично пережевывая резинку.

Когда он освободил проем калитки, Антонина увидела на улице перед воротами черную машину, большую и квадратную, как сарай на колесах.

– Вы еще кто такие? – проговорила девушка, стараясь не показать свой испуг.

Неприятный тип с торчащими зубами выплюнул резинку на траву, ухмыльнулся и спросил:

– Чего им было нужно?

– Кому? О чем ты вообще? И кто ты такой, черт тебя побери?

– Спрашиваю еще раз – что им было нужно?

– О ком ты?

– Ты отлично знаешь, о ком! – прошипел бандит, скрипнув зубами. – К тебе только что люди приезжали. Трое, на черной машине. И не вздумай мне врать – мы не они, у нас разговор короткий! Раз-два, и готово! Правда, Матюша?

Верзила у него за спиной убедительно хрюкнул, что должно было обозначать подтверждение.

– Про хозяев спрашивали, – неохотно ответила Антонина, прислушиваясь.

Ей показалось, что из дома доносится какой-то шум.

– Ага! – Бандит удовлетворенно кивнул. – Значит, от них он тоже ушел? Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел... Тоже мне, колобок нашелся! Ну, от нас-то он не уйдет!

Он хрипло загоготал, потом резко помрачнел и вызверился на Антонину:

– А ты знаешь, где он прячется?

– Откуда мне знать? – Антонина пожала плечами. – Я его вообще в глаза не видела! Меня другой человек нанял за домом присматривать, прибираться здесь и все такое... Неужели вы думаете, что мне что-то известно?

– Кто тебя знает! – Бандит обежал взглядом двор и повторил: – Кто тебя знает, что тебе известно! Хозяин твой хитрый... То есть это он так думает, но с нами у него ничего не выйдет! Думает, можно наши денежки прихватить и уйти? Нет, с нами этот номер не пройдет! От нас он далеко не уйдет! Правда, Матюша?

Верзила за его спиной снова утвердительно хрюкнул.

– Так что лучше не играй с нами в прятки. Говори, что тебе известно! Где он прячется? Куда он спрятал наши деньги?

– Говорю же вам – я ничего не знаю!

– Не хочешь, значит, говорить? Думаешь, мы дураки, да? Думаешь, мы тебе поверим? Но это ничего, мы с тобой поговорим по душам и тогда точно будем знать...

В это время за спиной у Антонины хлопнула дверь, раздалось шумное дыхание и короткий грозный лай – рядом с ней возник Рик.

Теперь он казался вполне здоровым, полным сил и очень свирепым. Он застыл рядом с девушкой и чуть впереди ее, обнажив клыки и тихо, угрожающе рыча, в любую секунду готовый броситься на врага и растерзать его.

– Подожди, Рик, подожди, – проговорила Антонина тихо, – без команды не нападай!

Кривоzubый бандит заметно побледнел. Он потянулся к карману и проговорил неуверенным голосом:

– Да я его сейчас...

– Не советую, – перебила его Антонина. – Пес отлично обучен, как только увидит оружие – порвет тебе горло! Ему на это нужно меньше секунды! Я его уже видела в деле! Так что лучше держи руки на виду и не делай резких движений!

– Матюша... – проблеял бандит, опустил руки и не сводя глаз с Рика.

– И напарник твой ничего не успеет сделать, – предупредила его девушка. – Он ведь у тебя здоровый, но не очень расторопный, правда? Пока до него дойдет, ты уже будешь на том свете!

Бандит ничего не ответил, тем самым подтвердив ее правоту.

Они стояли друг против друга – бандиты и Антонина с Риком, и никто не решался сделать первый шаг.

В шахматах такое положение называется цугцванг – когда любой ход приводит к неминуемому проигрышу.

Антонина покосилась на пса и поняла, что он еле держится на ногах. Скоро бандиты это заметят, и тогда... Тогда временное равновесие сил закончится не в ее пользу...

Но в это время калитка скрипнула, в нее протиснулась Анфиса Павловна во всей своей красе. На ней был тот же самый неровно связанный свитер, только вместо лосин теперь были надеты обыкновенные тренировочные штаны, отвисшие на коленках. Очевидно, лосины считались парадной одеждой, предназначенной для выхода в свет.

– А я иду мимо, – проговорила она, разглядывая немую сцену и переступая ногами в желтых галошах, – вижу, у тебя открыто. Ну и решила зайти. Прикинь, была в магазине и забыла чаю купить. У тебя нету?

Она снова оглядела бандитов и с интересом осведомилась:

– А вы, наверное, из областного энергонadzора? Счетчики проверять приехали?

– Да, мы из надзора... Насчет счетчика... – протянул кривоzubый и попятился, отступая к калитке. – Но мы уже все выяснили. Девушка нас, кажется, поняла...

С этими словами он выскользнул на улицу. Его надувной напарник послушно последовал за ним, и из-за ворот донесся шум отъезжающей машины.

– Ты чего калитку открываешь разным-всяким? – сердито заговорила Анфиса. – Тебя для того в приличный дом пустили, чтобы ты этих уродов принимала?

– Никого я не принимала! – огрызнулась Антонина, отходя от пережитого страха. – Думала, те вернулись...

– А те кто такие? – приступала Анфиса. – Полиция?

– Черт их знает, – честно ответила Тоня, – показали документы, только я не разобрала, откуда они.

– Чего им надо было? – Анфиса потихоньку теснила Тоню к дому, чтобы пролезть туда, все осмотреть, пошнырять по комнатам, а потом все растрепать соседям.

Тоня уже смирилась – не драться же с приставучей теткой, все-таки она ее от бандитов спасла. Но тут Рик поднял голову вверх и залился таким громким лаем, что Анфиса Павловна удивленно попятилась обратно к калитке.

– Рик, – умильно обратилась она к нему, – хорошая собачка. Ты что, меня не узнал?

Рик громко лаял, рычал и делал вид, что старается вырваться из Тониных рук.

– Что-то он нервничает... – Анфиса неохотно вышла за калитку, – ладно, я попозже зайду.

И аккуратно прикрыла калитку. Тоня выждала три минуты, после чего заперла калитку изнутри и направилась в дом, потому что ноги ее не держали.

Ну и денек сегодня выдался! После утреннего кофе она нашла труп в прихожей. И одного этого события довольно, чтобы надолго вывести человека из равновесия. А тут еще ее угораздило стукнуться головой, а потом, когда очнулась, последовал еще больший стресс – труп исчез в неизвестном направлении. Рика отравили, а потом приехали эти, из какой-то таинственной конторы, а потом еще бандиты. Да, самое время сейчас выпить чаю.

Готовить еду она была не в состоянии, поэтому заварила чаю покрепче, нарезала хлеб потолще и как следует намазала его маслом. Хорошо бы сейчас еще варенья...

Может, зря она шуганула Анфису? Было бы к чаю яблочное повидло. Но нет, Тоня представила, как Анфиса с топотом носится по всему дому, трогает руками чужие вещи и болтает, болтает, так что голова у Тони начинает пульсировать болью. Вот, кстати, надо было сразу к шишке холодное приложить.

Так что обойдемся, чем есть. Тоня откусила бутерброд и глубоко задумалась.

Хоть дядька и твердил все время, что Тоня глупа как пробка, но в данном случае ума большого не надо, чтобы догадаться: дело в этом доме нечисто. Видно, рыльце-то у хозяина этого Самохина в пушку, раз его ищут все, кому не лень – и бандиты, и компетентные органы, вот только непонятно, какие точно.

Правильно сказали, что сторож Владимир Борисович – тот еще прохиндей, удрал в неизвестном направлении, поскольку знал, что не будет в этом доме покоя. Просто так собаку бросить, видно, совесть не позволила, а скорее всего побоялся, что хозяева вернутся, узнают, что пес с голоду умер, так ему мало не покажется.

Деньги-то хозяйка ему на собаку, конечно, оставила, тут Анфиса не наврала. И вообще, правильно она этого сторожа оценила, нет у нее к нему доверия. А Тоня, как всегда, в дураках – полезла в пекло по собственному желанию.

Самое умное, что можно сейчас сделать – бежать отсюда как можно скорее. А что, сесть в машину да и уехать. Ключи от дома у Анфисы оставить. Или под крыльцо подсунуть. Конечно, это не самое надежное место, ну и ладно.

Да, но Рик? Как же она может бросить собаку? Ведь Владимир Борисович две недели точно не вернется, да и потом-то вряд ли. И тогда Рик умрет с голоду, а скорее всего его раньше пристрелят либо бандиты, либо эта ненавистница собак Соколова.

Взять Рика с собой? Но куда она его повезет? У нее нет ни жилья, ни денег, чтобы снять квартиру, да и кто пустит квартирантку с такой большой собакой?

И как же так получилось, что она оказалась совершенно одна, просто как перст, как дуб среди долины ровной? Нет у нее ни друзей, ни родственников, ни человека надежного, чтобы можно было к нему обратиться и чтобы помог в трудную минуту?

А вот так и получилось, что Тоня – законченная неудачница. Чему ж тут удивляться? Никогда ей не везло, а сейчас уж полный край настал. А она-то надеялась, пыталась как-то бороться, притчу о лягушках в сметане вспоминала. Дескать, одна лягушка лапки опустила, сдалась да и утонула в сметане. А другая – смелая и целеустремленная – не сдалась, работала лапками, сбила из сметаны масло, да и выскочила из горшка. Это в школе им об этом учительница рассказывала, а Тоня тогда еще подумала – кто это масло есть будет, после лягушки-то...

В общем, вранье это все, от судьбы не уйдешь, уж Антонина-то это точно знает.

После окончания колледжа пошла она работу искать. Знакомств никаких, связей тоже – прочтает в газете, что нужен секретарь, да и звонит туда. Половина мест к тому времени было уже занято, остальные по голосу ее определяли, что не подходит. В пару мест съездила, там какие-то фирмочки зачуханные, так и то начальник, как посмотрит на Тоню, на лице сразу разочарование проступает. А кого он ждал-то на мизерную зарплату, «мисс России», что ли?

Лето прошло, и тетя Лина устроила ее в тот же колледж в деканат. Работа унылая, зарплата – одни слезы. Все Тоню шпыняют, до последней уборщицы. Дядька в открытую радуется – говорил, орет, что ничего путного с нее не выйдет, так оно и получилось, даже в секретарши не берут! Да куда тебе, милая, там же с начальством спать надо, а на тебя, уродину, кто польстится... И так далее в таком же духе.

Прокантовалась так Тоня года полтора, а потом привалила ей неожиданная удача.

То есть это она так сначала подумала. Одна родительница, чья дочка уж такая оторва попала – ничего делать не хотела, учебу прогуливала, преподавателям хамила напропалую, на Тоню внимание обратила. Она, мамаша оторвы этой, часто в колледж таскалась, уж очень надеялась, что дочка доучиться сумеет, все-таки при деле ребенок. А муж у нее какой-то был бизнесмен. Как раз у него секретарша уволилась, так женушка Тоню ему и сосватала. А для чего – это Тоне в первый же день на новой работе сотрудницы объяснили.

Хозяин фирмы, муж этой тети, оказывается, жуткий бабник был. И шел по пути наименьшего сопротивления, то есть предпочитал спать с секретаршами.

Все было бы отлично, если не жена. Она, естественно, супруга своего знала как облупленного и строго следила за его моральным обликом. Послать ее подальше он не мог, поскольку в фирме была достаточно приличная доля ее акций. Вот она и держала руку на пульсе, то есть сама подыскивала ему секретарш.

Ее муженек прекрасно знал, что находится у жены под колпаком, но ничего не мог с собой поделать. Каждую новую секретаршу он окружал заботой, обхаживал ее и стремился уложить в постель. Это было непросто, поскольку жена была начеку и подбирала соответствующих кандидатов. Однако ничего не помогало – ее всеядному благоверному годились все без разбора. Толстые и болезненно худые, коротко стриженные мосластые девчонки с обгрызенными ногтями и дамы не первой молодости с хриплым голосом и неистребимым запахом табака.

Была одна невеста, которой роман с директором не помешал выйти замуж в назначенный срок, была добропорядочная мать троих детей. Как только становилось ясно, что начальник преуспел в своих амурных начинаниях, его жена тотчас секретаршу увольняла. И все начиналось по новой.

Когда директор увидел Тоню, он и глазом не моргнул – бывали у него всякие, а эта вроде на первый взгляд и ничего себе. Не красавица, конечно, но бывали и похуже. Но его жена была тетка не промах, она-то видела в свое время Тоню во всей красе.

Дело в том, что муж ее был мужчина громкоголосый и грубоватый. И в процессе работы часто повышал голос на подчиненных, а уж поорать на секретаршу было для него обычным делом. Так-то он был человек незлой, и никто не обращал на его крик особого внимания.

Иное дело Тоня. У нее, доведенной дядькой до белого каления, реакция на крик была однозначной – она впадала в ступор, глядя вбок невидящими глазами, и вид у нее в этот момент был невменяемый. Дядька, как уже говорилось, в словах не стеснялся и называл в такие минуты племянницу полудурком. И вот, как только начальник с утра пораньше заорал да бросил на пол не те бумаги, то и увидел свою секретаршу в ступоре.

Тоня ничего не могла с собой сделать. Она путала документы, роняла на пол ценные образцы, проливала кофе, не могла ответить по телефону. Она до сих пор не понимает, как директор не выгнал ее сразу. Наверно, не хотел идти с женой на открытую конфронтацию.

Он выбрал иной путь. Промучившись с Тоней некоторое время, он послал ее на курсы. А потом устроил помощником товароведа в свою же фирму. Тоня тихонечко сидела за компьютером и учитывала поступающие товары. Никто на нее не орал, так что дело шло если не быстро, то все же без проволочек. Еще через некоторое время дела на фирме пошли плохо, и директор уволил половину служащих. И Тоню тоже, но к тому времени она и сама нашла работу получше.

Так и пошло. Долго на одном месте она не могла удержаться – либо фирма разорялась, либо директор осуществлял ротацию кадров, либо атмосфера накалялась, и Тоня сама решала переменить работу.

С сотрудниками она не конфликтовала, но и душой коллектива никогда не была. Работала в небольших фирмах – менеджером, товароведом, даже кладовщицей на складе.

Понемногу приделась, даже съездила отдохнуть на море. Пригласила сотрудница, у которой не было спутника. Тоне понравилось, но та коллега больше ее не приглашала, а потом вообще уволилась. Дома все как-то устаканилось. Дядька дежурил где-то сутки через трое, и в эти сутки Тоня бывала дома. Помогала тете Лине по хозяйству, просто так сидели они вместе, разговаривали. Тетка стала прихварывать, выглядела неважно, но никогда не жаловалась.

Прошло еще какое-то время, и Тоня познакомилась со своим будущим мужем. Точнее, он с ней познакомился. Она, растяпа, выронила кошелек, а он поднял. И подал ей, и помог упаковать покупки. Тетя Лина давно уже не ходила за продуктами, у нее от тяжелого начиналась одышка, дядька же, находясь три дня дома, требовал полноценного четырехразового питания, так что Тоне приходилось бегать по магазинам чуть ли не каждый день. В их старом районе магазинов было мало, а супермаркет далеко.

Тогда Тоня поблагодарила доброго человека и пошла своей дорогой. Но порвался пакет, и она остановилась, беспомощно взирая на раскатившиеся по асфальту апельсины и пачки творога. Дядька к старости проникся вдруг здоровым образом жизни и требовал полноценных витаминов. Хорошо хоть бутылка «Боржоми» не разбилась, что покупала Тоня для тети Лины.

И вот, снова нагнал ее тот самый мужчина, собрал раскатившиеся апельсины, закинул ее пакеты в свою тележку и предложил подвезти. Тоня сначала отказалась, но потом представила, как идет она, придерживая разорвавшийся пакет, к остановке, а маршрутки нет как нет, а когда придет, то набьются в нее такие же, как она, навьюченные продуктами люди, представила, как все будут пинать ее пакеты и обругают по-всякому. Представив все это, она согласилась.

Машина у него оказалась недорогая, та самая старенькая «Хонда», которую увезла с собой Тоня после развода. В автомобиле и познакомились. Звали его Викентием, но он сказал, что имя свое старообразное не очень любит, и друзья называют его Викой. Тогда в первый раз, Тоня не слишком его разглядывала, больше беспокоилась, чтобы апельсины не раскатились. Ну, поблагодарила, конечно, да и хотела пойти домой, только он выпросил ее номер телефона. И свой дал, дескать, если соберетесь в супермаркет, то позвоните, вместе веселее.

Дома дядька разорался, что купила все не то, и Тоня про Вику совершенно забыла. До следующей субботы, когда он позвонил и предложил свои услуги. Тут уж она призадумалась, в зеркало на себя поглядела, макияж навела поярче.

В тот раз после покупок пригласил он ее тут же, в супермаркете, кофе выпить, там кафе довольно приличное располагалось. Посидели, поговорили, Тоня его как следует рассмотрела.

Мужчина, конечно, не первой молодости, на вид все сорок, стало быть, лет на пятнадцать ее старше. Да только ей выбирать не приходится, до того, как с Викой познакомилась, пару раз только парень на свидание пригласил. А после как-то на вечеринке переспала с одним, так потом он от Тони шарахнулся как от чумной, у него оказалась жена ревнивая, если что узнает – Тоне тоже не поздоровится.

Так что выбирать Тоне особо не из кого. А тут все-таки приличный человек. Хотя внешность, конечно, так себе. Был он среднего роста, не толстый, но и не худой, лицо бледноватое, кожа хоть и чистая, но какая-то блеклая, глаза серые, незаметные, волосы тонкие, редковатые, на висках – залысины.

Заурядный, в общем, человек, ничем не примечательный. Да только Тоне ли об этом говорить? Она сама ничем не примечательная личность, обыкновенная, ни умом, ни красотой не блещет, никакими талантами бог не наградил, ни рожи, в общем, ни кожи, как дядька говорит. Так что если нашелся мужчина, который обратил на нее внимание, то грех от такого отмахиваться.

Ну и стали они с Викой встречаться. В кино сходили, в театр, в музей даже. По городу погуляли, он рассказывал что-то про Монферрана да про Растрелли. Теперь-то Тоня знает, что никаких особенных знаний у него не было, все из школьного учебника, а тогда казался он ей необыкновенно умным. Серьезный человек, солидный, а что внешне не красавец писанный, так это и ни к чему, Тоня свое положение очень даже хорошо понимает, дядька с самого детства ей внушил.

А самое главное, что ее привлекло – говорил Вика всегда тихо, голоса никогда не повышал, улыбался редко, а смеха его громкого она никогда не слышала. И привыкла к нему потихоньку. А уж когда в ресторан он пригласил, а после домой позвал, Тоня пошла без раздумий.

Квартира у него оказалась двухкомнатная и очень чистенькая, нигде ничего не валяется, никакого ненужного хлама, что тоже произвело на Тонию приятное впечатление. В постели ничего такого особенного она не ощутила, но отнесла это за счет своей неопытности.

Они встречались месяца два, когда Вика предложил ей остаться. А если тебе неудобно, добавил он, то давай поженимся.

Дома тетя Лина приступила к Тоне с расспросами, видно заметила, что с племянницей что-то происходит. Тоня отмалчивалась, так как не уверена была, что тетя Лина дядьке не проболтается. А уж тот-то на Тониных косточках попляшет, все выскажет, такой уж у него характер.

Вика все настойчивей звал ее переехать, и как-то, когда Тоня заночевала у него и забежала домой утром перед работой, дядька устроил грандиозный скандал. Он орал так, что стекла дрожали, и соседка снизу стучала по трубе. Но дядьку это не остановило, он поминал Тонину мать, обзывал ее последними словами и утверждал, что Тоня пошла по той же дорожке.

Глядя на его распахнутый в крике рот, Тоня решилась. Она собрала чемодан и ушла, хлопнув дверью напоследок. Тетя Лина ее не останавливала, она стояла у двери бледная, держась за бок. Как теперь понимает Тоня со стыдом, тетке было очень плохо, уже тогда у нее начинались боли. Ну, с дядьки-то какой спрос, всегда последней скотиной был, а Тоня могла бы заметить. Теперь ей с этим всю жизнь жить.

А тогда началась ее семейная жизнь. В первое время Тоня ожила, представляя, что никогда больше не увидит дядькиной гнусной рожи и не услышит его криков, что они с Викой будут жить в этой тихой, чистой квартире, а потом у них родятся дети.

Не сейчас еще, но в будущем.

Они расписались в ЗАГСе, никого не позвав на регистрацию. Вика сказал, что у него никого нет, родители умерли, братьев-сестер не имеет. Еще он признался, что был раньше женат, но жена его умерла давно от тяжелой болезни. Он долго был один, а теперь встретил Тоню и надеется создать с ней крепкую семью. Она, дура, еще пожалела его тогда, по головке гладила. Ну, дура и есть, иногда ей кажется, что дядька был прав.

Близкой подруги у Тони не было, даже в свидетели позвать некого. А сотрудникам из фирмы, где тогда работала, не хотелось Вика показывать. И тогда уже смутно она понимала, что гордиться нечем.

В первое время вроде бы и ничего такого особенного у них не было. Вика в еде нетребовательный был, не пил, не курил, на работе не задерживался. Тоня в привычках своих скромная, вроде бы и денег им хватало. Чистоты только требовал и порядка, ну, так Тоня у дядьки хорошую школу прошла, тот вечно соринку найдет какую-нибудь и орет, хотя сам был неряха и грязнуля ужасный. Тем более что Вика никогда на нее не кричал, вообще голоса не повышал, уже за одно это Тоня к нему хорошо относилась.

Вот в постели только у них не ладилось. Ничего Тоня не чувствовала, хоть убей. То ли муж это понимал, то ли и правда, сексом не очень интересовался, только занимались они этим не чаще раза в неделю. Ну, Тоня думала, все-таки у него возраст, а ей-то хоть бы и совсем не надо. Ну и что с того, и так люди живут, зато у нее муж с квартирой, про дядьку можно забыть.

Прошло какое-то время, и как-то Тоня наливала мужу чай да и обожгла руку. Он дернулся неловко, кипяток и пролился на нее. Было очень больно, Вика всполошился, намазал руку какой-то мазью, забинтовал, пожалел, она даже растрогалась. А он вдруг в постель ее потянул, еще и девяти часов не было.

Тоня слабо сопротивлялась – дескать, больно мне, не до того сейчас, Вика и не слышит. Набросился на нее со страстью, никогда она таким его не видела. Ему-то хорошо, а ей плохо. Руку большую в процессе задевает, она прямо стонет, а он и не слышит.

В общем, закончился этот кошмар, заснул он, а утром про это они не говорили. Рука зажила, все стало по-прежнему, снова Вика к сексу охладел. А Тоня и рада, не нужно ей ничего. Еще время прошло, пришла Тоня как-то с работы пораньше, грипп у нее начинался. Температура подскочила, а от высокой температуры всегда у нее голова ужасно болит. Ну, еле до постели дотащилась да и легла. Не спит, а в забытии находится. И чувствует вдруг, что кто-то на нее навалился. Оказалось – родной муж. Тоня хочет ему сказать, что плохо ей, голова сейчас лопнет от боли, а языком пошевелить не может. Опять он со страстью на нее набросился, а она об одном только думает – как бы все поскорее кончилось. А потом он голову ей повернул резко, и Тоня сознание потеряла. Пришла в себя – никого нет рядом, в соседней комнате телевизор работает, едой пахнет – ужинает он. Лампа над столом горит, все так тихо, чисто.

Прошла у нее болезнь, и снова все стало по-прежнему. Только Тоня задумываться начала. А тут тетя Лина позвонила – как живешь, да как твоя семейная жизнь.

А Тоне и сказать нечего, тетка, видно, поняла что-то, беспокоилась, приходи, мол, поговорим, вижу, что не все у тебя ладно. А Тоне стыдно стало, что ничего у нее не получается, она и ляпнула тете Лине: не тебе, мол, меня учить семейной жизни, такого брака, как у тебя, вообще никому не пожелаешь, даже врагу злейшему, уж я-то знаю во всех подробностях. И трубку повесила.

А на следующий день полезла Тоня в кладовку, там, на верхней полке, порошок у нее стиральный стоял и средства чистящие. И вдруг упала на нее здоровенная банка с краской, Вика потом сказал – от ремонта осталась. Хорошо хоть не по голове попала, а по ноге. Но боль была жуткая, Тоня испугалась, что кость раздробила и теперь на всю жизнь хромой останется. Нога на глазах опухла, повез ее Вика в травмпункт. Оказался ушиб очень сильный, больничные дали на две недели, потому что ходить Тоня с трудом могла.

Ну, вечером, как домой вернулись, Тоня уже представляла, что будет. И решила отпор дать Вике, когда на него страсть накатит. Да ничего не вышло. Тоня кричит, отбивается, а он будто не слышит. Смотрит на нее, а глаза прямо белые какие-то.

Тоня испугалась – чужой человек совсем. Ну, сомлела от страха да от боли. Наутро он встал как ни в чем не бывало, чаю даже ей в постель принес. Так еще раза три потом повторилось, пока нога не прошла. А Тоня, сидя дома, стала думать, откуда та банка с краской взялась, что ей на ногу свалилась. Не было ее раньше на полке, не место ей там, Тоня точно помнит. Сопоставила еще кое-какие вещи и поняла, что муж ее – патологический садист. Возбуждается он только тогда, когда ей больно. А так она ему неинтересна совсем.

Что делать? Кому жаловаться? Да ее на смех поднимут, никто не поверит. Уходить обратно к себе, чтобы снова дядька на нее орал? Никак невозможно.

Решила Тоня осторожной быть, так-то в открытую Вика сделать ей ничего не сможет, побоится. А пока на больничном сидела, познакомилась с соседкой, что в квартире напротив жила. Вика, когда она к нему переехала, с соседями велел не болтать попусту, ничего про себя не рассказывать. А тут столкнулись на лестнице, та женщина пожилая спросила, что с ногой, к себе пригласила чаю попить. Тоня и пошла, чтобы от грустных мыслей отвлечься. И узнала много интересного.

Оказывается, Вика в эту квартиру въехал по обмену всего за полгода до того, как с Тоней познакомился. А в этой квартире жила соседкина подруга, одинокая и немолодая, она в тот дом поменялась, потому что у нее родственники там живут. И соседка с той своей подругой поддерживала связь, часто по телефону разговаривала. Подруга была женщиной общительной и мигом подружилась на новой квартире со всеми соседями. И соседи ей рассказали, что Вика жил в той квартире с женой, которая болела, а потом куда-то делась, а Вика переехал.

– Умерла... – сказала Тоня.

– Да нет, – покачала головой соседка, – она упала, спину повредила, так что ходить совсем не могла, в инвалидном кресле ездила. А потом они развелись.

Тоня тогда поскорее распрощалась и ушла.

Не дело это – обсуждать собственного мужа с малознакомой соседкой. Но какой-то червячок точил душу – а что, если это правда? Ей он сказал, что первая жена болела и умерла давно, а по словам соседки получается, что она вовсе не умерла и женат на ней Вика был недавно. Тоня нашла в ящике комода его паспорт, там вообще не было никаких отметок – ни о разводе, ни о женитьбе. У нее хватило сообразительности посмотреть на дату. Паспорт был выдан за год до нынешнего числа. Все ясно: заявил в полиции, что потерял или украли документы, заплатил штраф, ему и выдали новый паспорт. Чистый, без отметок.

Ну и что такого, тут же возразила себе Тоня, ну не хотел человек вспоминать о неудачной женитьбе, вот и сказал, что жена умерла. Так-то оно так, но учитывая все происходящее с ней сейчас...

Она осторожно пошевелила ногой. Боль почти прошла, через два дня на работу.

Пару месяцев она продержалась, чувствуя себя как индейский охотник в прерии. Она следила за всем, несколько раз уворачивалась от горячего утюга, едва не наступила на разбитую бутылку, умудрилась в самый последний момент вытащить пальцы из дверной щели. Вика, казалось, ничего не замечал. А после того как Тоня просидела дома с больной ногой, он даже сделал ей подарок – свою старую «Хонду». Себе купил новую машину, а ей, сказал, и этой пока хватит, пусть учится. И Тоня пошла на курсы. Она стала реже бывать дома и немного ослабила бдительность, что было ее ошибкой.

Однажды утром спросонья она наступила на кухне в лужу разлитого масла и с размаху плюхнулась на кафельный пол. В первый момент она не могла встать и подумала, что с ней все кончено. На шум явился Вика, подхватил ее на руки и понес в спальню. Тоня кричала,

что он все это сделал нарочно, перед отходом ко сну она все проверила и пол был чистый, он ее не слушал.

Боли она почти не чувствовала, только шок, это было хуже всего. Боль пришла позже, она даже обрадовалась, значит, позвоночник цел. Когда на следующий день хирург увидел ее поясницу, он чуть со стула не упал. Синяк был величиной с половину арбуза.

– Повезло тебе, могла с того пола вообще не встать, – сказал он.

«Надолго ли»? – с тоской подумала Тоня.

Потом, когда синяк рассосался, позвонил дядька – умерла тетя Лина. Потом началось безобразие с квартирой. Вика ни на чем не настаивал, как теперь понимает Тоня, ему не нужна была ее жилплощадь, ему нужно было, чтобы она оставалась с ним.

После того как Тоня сильно порезала руку ножом (кажется, тут Вика был ни при чем, но просто воспользовался ситуацией), она решила, что с нее хватит. Рассчитывала, идиотка, на ту половину квартиры, что после смерти тети Лины полагалась ей по закону. В крайнем случае можно ее разменять. Как всегда, просчиталась, но об этом после. А тогда встретила она снова ту болтливую соседку и попросила ее раздобыть телефон бывшей Викиной жены. Потому что очень Тоне не понравились слова хирурга – чудом, мол, не расшиблась до инвалидного состояния. А та вроде как раз расшиблась.

После того как Тоня едва уберегла глаза от едкой струи жидкости для мытья окон, когда Вика якобы случайно нажал на кнопку, соседка отдала ей бумажку с номером телефона.

Бывшую жену звали Лизой. Тоня решила не звонить ей из квартиры и по мобильному тоже, а поговорила с работы. Надо сказать, та быстро уразумела ситуацию и велела Тоне приехать к ней, сама она из дому не выходит.

Дверь открыла женщина постарше, по виду крепкая, с крупными руками и ногами. Молча кивнув, она провела Тоню в комнату. Там в инвалидном кресле сидела худая и болезненно бледная женщина без возраста. Возможно, и довольно молодая, но в глазах ее не было жизни. Ни радости, ни надежды, ни тепла, никакого проблеска в общем.

– Ну, что скажешь? – спросила она.

Тоня плюхнулась на диван и затихла. Лиза внимательно ее осмотрела и вздохнула.

– Все вижу – и шрамы, и ожоги, и что хромаешь ты. Слушай, он же псих законченный! Маньяк и садист! Думаешь, ты у него одна такая? Или вот еще я? Я точно знаю, что до меня у него уже была жена, она из окна выбросилась.

– Как? – ахнула Тоня.

– Молча, – хмыкнула Лиза, – попала в нервное отделение, он довел, там и выбросилась. Потому ему ничего и не было, врачи вроде недоглядели. Он квартиру поменял, паспорт новый получил да на мне женился. А у меня тогда мама умерла, отец давно нас бросил, я от одиночества за него и пошла. Думаю, человек вроде приличный, все не одна буду, ну, ты сама знаешь... Меня мать в строгости воспитывала, я так в девках до тридцати лет оставалась. Не сразу разобралась, что к чему. А потом он как в полную-то силу вошел, я сунулась – куда деваться? Квартиру эту на год сдала, не на улицу же идти. Думаю, может, продержусь сколько-то, пока жильцы не съедут. Не успела.

Лиза закашлялась и знаками показала Тоне, чтобы подала стакан с водой, что стоял на столе, потом спросила:

– Он тебе занавески поменять не предлагал?

– Нет... Мне и эти нравятся...

– Тогда слушай: беги от него, пока можешь это сделать на своих ногах. Потому что если ты инвалидом сделаешься, тут уж он себе волю даст, начнет над тобой измываться. Я ведь отчего такой стала – вешала занавески, с табуретки упала. И точно я знаю, что он ножки у табуретки подпилит. Да только не доказать ничего, он ее сразу выбросил. Думала, что так и помру там в мучениях, хорошо сестра двоюродная из Твери приехала. Она от своего алкоголика ушла,

теперь вот за мной ухаживает. Так что беги ты от этого садиста, пока можешь. А я ему все равно отомщу, хоть всю жизнь думать буду, но придумаю как.

Дома Тоня застала оживленного мужа. В углу были свалены рулоны обоев и банки с краской.

– Тебе получше, так что будем ремонт делать, – заявил Вика, – заживем потом в чистой квартире, как в раю!

На следующий день Антонина собрала вещи и сбежала тайком, твердо зная одно: что бы ни случилось, она в эту квартиру больше никогда не вернется.

Она долго сидела на кухне, допивая остывший чай.

Шоколадка отдавала по вкусу оконной замазкой, а сахар пахнул почему-то бензином. Вот чай был хорош, очевидно, еще из хозяйских запасов. Рика она выпустила во двор, чтобы побегал. День сегодня был теплый, Рик согласился размять лапы, он держался все увереннее, еще немного, и полностью вернет себе форму.

Тоня так и не надумала ничего путного. По всему выходило, что деваться ей некуда, и нужно оставаться здесь, несмотря на то, что в доме опасно. Будут теперь шляться все, кому не лень – и эти из секретной конторы, и бандиты, и соседи. Но не может же она бросить Рика на произвол судьбы.

Антонина легла в постель, но никак не могла заснуть. Стоило ей закрыть глаза, как перед ее внутренним взором появлялось лицо мертвого незнакомца, которого она нашла утром в прихожей, его пустые темные глаза, тронутые сединой волосы. Она взглянула на темное окно – и ей померещилось по другую сторону стекла то же самое мертвое лицо с черными провалами глаз.

Сейчас забылись почему-то все последующие события этого длинного дня, а вспоминался только ужас, когда увидела она в прихожей возле двери мертвое тело. Несомненно, труп был, она видела его наяву. Но куда же он делся? А вдруг он все еще здесь?

Антонина вскочила с постели, метнулась к окну – и поняла, что за ним нет ничего, кроме раскачивающейся под ветром ветки рябины.

Она плотно задернула занавеску и снова легла в постель.

Тут же она услышала какой-то стук, доносящийся со второго этажа. Антонина подумала, что забыла закрыть одно из окон. Она снова выбралась из теплой постели, накинула халат и вышла из спальни.

Как хорошо, что она взяла на ночь в дом Рика! Она хотела его оставить, но пес с негодованием отказался – он ведь охранная собака, а не украшение дивана.

«А чего ж тогда позволил себе вколоть эту гадость? – попеняла его Антонина. – Вообще мог не очнуться!»

Тут же осеклась, потому что Рик посмотрел на нее с огромной обидой – и так, мол, мне стыдно, а ты еще по самому больному бьешь... Антонина хотела поговорить с ним ласково, но обиженный Рик уже ушел в дальний угол двора. Пришлось долго его уговаривать и даже просить прощения, только тогда он согласился провести ночь в доме, но не шагнул дальше прихожей.

Темный дом встретил ее враждебной, настороженной тишиной. В коридоре и по углам затаились мрачные тени. Зябко поведя плечами, Антонина пошла вперед.

В прихожей лежал Рик. При ее появлении он поднял голову, чутко повел ушами. Пес был спокоен, и его спокойствие невольно передалось и Антонине.

Она поднялась по лестнице, которая негромко скрипела под ее ногами. Раньше этот скрип казался ей уютным, но сейчас он тоже показался враждебным и пугающим.

Поднявшись на второй этаж, она включила свет и снова настороженно прислушалась.

Какое-то время было тихо, но потом снова раздался отчетливый, громкий стук.

Антонина одну за другой обошла все комнаты, всюду проверила окна.

Они все были плотно закрыты.

Выйдя из последней необитаемой комнаты для гостей, она еще раз огляделась и тут же увидела еще одну дверь. Эта дверь вела в помещение под скосом крыши, должно быть, что-то вроде чулана или кладовки. Она, единственная из всех дверей второго этажа, была заперта, и ни один из ключей на связке к ней не подходил.

Судя по всему, именно из этого чулана и доносился напугавший Антонину стук.

Она снова достала из кармана ключи, машинально перебрала их, негромко позвякивая.

Тут ей попался на глаза тот маленький ключик с фигурной бородкой, медный или латунный, который появился на связке после истории с мертвым незнакомцем.

Повинуясь внезапному побуждению, Антонина вставила этот ключ в замочную скважину...

Ключ легко вошел.

Со странным, беспричинным волнением она повернула его по часовой стрелке.

Ключ с мягким скрипом повернулся. Замок негромко щелкнул, и дверь открылась.

Антонина заглянула в темный проем.

Из-за двери пахло сухой слежавшейся пылью и еще чем-то трудноуловимым. Какое-то время она колебалась – если хозяева закрыли эту дверь и не дали ей ключ от нее, значит, они не хотели, чтобы она сюда входила. С другой стороны, она же не взломала эту дверь, она открыла ее ключом...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.